

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВЪДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать четвертый.

№ 19-й. 1-го октября 1900 года. № 19-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть официальная.

Епархіальныя извѣстія.

Опредѣленіе на должность.

Діаконовъ: 1) вновь рукоположенный, бывшій псаломщикъ с. Утевки, Бузулукскаго уѣзда, Алексѣй Цвѣтковъ—въ с. Дубовый Уметъ, Самарскаго уѣзда, 23-го августа; 2) вновь рукоположенный, бывшій псаломщикъ с. Богдановки, Самарскаго уѣзда, Петръ Волковъ—къ Николаевскому градскому собору, 28 августа; 3) вновь рукоположенный, бывшій псаломщикъ с. Тихоновки, Бугульминскаго уѣзда, Николай Бирюковъ—въ с. Кулешовку, Бузулукскаго уѣзда, 31 августа; 4) вновь рукоположенный, бывшій учитель Чурадчинскаго училища, Симбирской губерніи, Александръ Анисимовъ—въ с. Аюнькино, Бугурусланскаго уѣзда, 4 сентября; 5) вновь рукоположенный учитель Голицынскаго земскаго училища, Саратовской губерніи Дмитрій Лапшинъ—въ с. Ивановку, Николаевскаго уѣзда, 7 сентября.

Псаломщиковъ: 1) бывшій воспитанникъ 2-го класса Самарской Духовной Семинаріи Владиміръ Протасовъ—въ с. Мор-

довскіе Липяги, Самарскаго уѣзда, 4 августа; 2) учитель Мало-Шемякинской чувашской школы, Тетюшскаго уѣзда, Александръ Андреевъ — въ с. Сабакаево, Ставропольскаго уѣзда, 19 августа; 3) заштатный псаломщикъ с. Бѣлаго Яра, того же уѣзда, Петръ Андреевъ — въ с. Верхнее Санчелѣево, того же уѣзда, 23 августа; 4) учитель Ново-Мелькенской миссіонерской школы Илья Бейкинъ — въ с. Тихоновку, Бугульминскаго уѣзда, 23 августа; 5) бывшій и. д. псаломщика с. Ивановки, Новоузенскаго уѣзда, Павелъ Гладковъ — въ с. Харьковку, того же уѣзда, 19 августа; 6) учитель калмыцкой русско-киргизской школы Вадимъ Цвѣтницкій — въ с. Семеновку, Бузулукскаго уѣзда, 24 августа; 7) окончившій курсъ Липовской второклассной церковной школы Петръ Архангельскій — въ с. Красненькое, Николаевскаго уѣзда, 24 августа; 8) учитель Шепелевской земской школы, Балашевскаго уѣзда, Геннадій Соловьевъ — въ сл. Покровскую, Новоузенскаго уѣзда, къ Покровской церкви, 24 августа; 9) послушникъ Спасо-Преображенскаго единовѣрческаго монастыря Петръ Шумилинъ — въ с. Теликовку, Николаевскаго уѣзда, къ единовѣрческой церкви — 26 августа; 10) окончившій курсъ Чирковской второклассной церковной школы, мѣщанинъ Михаилъ Тарасовъ — въ с. Александровку, Бугульминскаго уѣзда, 26 августа; 11) учитель Узморской земской школы, Новоузенскаго уѣзда, Василій Соколовъ — въ с. Новорѣзное, Новоузенскаго уѣзда, 26 августа; 12) вновь рукоположенный діаконъ, бывшій псаломщикъ с. Исакова, Бугурусланскаго уѣзда, Николай Соколовъ — въ с. Кошки, Самарскаго уѣзда, на вакансію псаломщика, 31 августа; 13) окончившій курсъ въ Казанской учительской семинаріи Константинъ Кузьминъ — въ с. Кіевку, Новоузенскаго уѣзда, 1 сентября; 14) крестьянинъ изъ чувашъ с. Ораушъ, Ядринскаго уѣзда, Петръ Ивановъ — въ с. Сарайгиръ — Васильевку, Бугурусланскаго уѣзда, 4 сентября; 15) учитель Мало-Каменской церковной школы, Самарскаго уѣзда, Яковъ Кузовенко — въ с. Екатериновку, Бугурусланскаго уѣзда, 4 сентября; 16) окончившій курсъ Самарской Духовной Семинаріи Иванъ Горбуновъ — въ с. Балаково къ Христорожденственной церкви, 5 сентября; 17) учитель церковно-приходской школы с.

Харьковки, Новоузенскаго уѣзда, Максимъ Зайць — въ с. Бѣляевку, того же уѣзда, 7 сентября; 18) бывшій воспитанникъ 3-го класа Самарской Духовной Семинаріи Евгеній Петровъ — въ с. Каралыкъ, Николаевскаго уѣзда, 26 августа; 19) бывшій учитель церковнаго пѣнія въ Бугурусланскомъ духовномъ училищѣ Степанъ Волокитинъ — въ сл. Аманакскую, Бугурусланскаго уѣзда, 9 сентября.

Перемѣщенія:

Священниковъ: 1) с. Бормы, Самарскаго уѣзда, Николай Парадизовъ — въ с. Березовку, того же уѣзда, 12 августа; 2) с. Новосергіевки, Бузулукскаго уѣзда, Александръ Уваровъ — въ с. Алексѣевку — Землянку, того же уѣзда, 26 августа; 3) с. Покровки, того же уѣзда, Константинъ Знаменскій — въ с. Рыково, Бугульминскаго уѣзда, 26 августа; 4) с. Герасимовки, Бузулукскаго уѣзда, Григорій Яировъ — въ с. Новосергіевку, того же уѣзда, 26 августа; 5) с. Приютнаго, того же уѣзда, Константинъ Лавровъ — въ Воздвиженку, Самарскаго уѣзда, 28 августа; 6) с. Большой Ремизенки, Бузулукскаго уѣзда, Викторъ Генерозовъ — въ с. Покровку, того же уѣзда, 28 августа; 7) с. Тихоновки, Бузулукскаго уѣзда, Константинъ Малиновскій — въ с. Черемшанскую Крѣпость, Бугульминскаго уѣзда, 28 августа; 8) с. Озерья, Бузулукскаго уѣзда, Петръ Размариновъ — въ с. Грачевку, того же уѣзда, 31 августа; 9) с. Большой Малышевки, того же уѣзда. Іоаннъ Невскій — въ с. Озерье, того же уѣзда, 31 августа; 10) с. Грачевки, того же уѣзда, Александръ Лебедевъ — въ с. Большую Малышевку, того же уѣзда, 31 августа; 11) с. Перевозникова, того же уѣзда, Петръ Мостовскій — въ с. Андреевку, того же уѣзда, 31 августа; 12) с. Андреевки, того же уѣзда, Θεодоръ Гидасповъ — въ с. Перевозниково, того же уѣзда, 31 августа; 13) с. Новорѣпнаго, Новоузенскаго уѣзда, Θεодоръ Меликовъ — въ с. Романовку, того же уѣзда, 31 августа; 14) сл. Александрова Гая, того же уѣзда, Михаилъ Свѣтовидовъ — въ с. Новорѣпное, того же уѣзда, 31 августа; 15) с. Лебяжья, Ставропольскаго уѣзда, Филиппъ Димитріевъ — въ с. Сабакеево, того же уѣзда, 2 сентября; 16) с. Владиміровки, Са-

марскаго уѣзда, Іоаннъ Топорнинъ—въ с. Герасимовку, Бузулукскаго уѣзда, 4 сентября; 17) с. Екатериновки, Николаевскаго уѣзда, Владиміръ Соболевъ—въ с. Городецкое, Бугурусланскаго уѣзда, 6 сентября; 18) с. Малаго Обухова, Бузулукскаго уѣзда, Андрей Канарскій—въ с. Озерье, того же уѣзда, 6 сентября; 19) с. Озерья, того же уѣзда, Іоаннъ Невскій—въ с. Малое Обухово, того же уѣзда, 6 сентября.

Діаконовъ: 1) сл. Покровской, Новоузенскаго уѣзда, Петропавловской церкви Алексѣй Цареградскій—въ с. Самково, того же уѣзда, 24 августа; 2) с. Васильевки, Бузулукскаго уѣзда, Василій Мильтоновъ—въ пр. Сергіевскъ, Бугурусланскаго уѣзда, 2 сентября; 3) Самарскаго кафедральнаго собора Николай Любомирскій—въ с. Исаклы, Бугурусланскаго уѣзда, 4 сентября; 4) с. Ибряйкина, того же уѣзда, Гурій Захаровъ—въ с. Калмаюръ, Ставропольскаго уѣзда, 6 сентября; 5) с. Родіоновки, Бузулукскаго уѣзда, Викторъ Воецкій—въ с. Палимовку, того же уѣзда, 6 сентября; 6) с. Исакловъ, Бугурусланскаго уѣзда, Александръ Каменскій—къ Новоузенскому собору, 25 августа; 7) с. Рахмановки, Николаевскаго уѣзда, Іоаннъ Соколовъ—въ с. Ломовку, того же уѣзда, 6 сентября; 8) с. Сухой Вязовки, того же уѣзда, Александръ Смирновъ—въ с. Александровку, того же уѣзда, 6 сентября.

Псаломщиковъ: 1) с. Мордовской Боклы, Бугурусланскаго уѣзда, Петръ Первицкій—въ с. Исаково, того же уѣзда, 24 августа; 2) с. Красныхъ Домовъ, Самарскаго уѣзда, Алексѣй Дивногорскій—въ с. Малую Каменку, того же уѣзда, 26 августа; 3) с. Большой Каменки, того же уѣзда, Александръ Богородицкій—въ с. Красные Дома, того же уѣзда, 26 августа; 4) с. Малой Каменки, того же уѣзда, Василій Евклидовъ—въ с. Большую Каменку, того же уѣзда, 26 августа; 5) с. Васильевки, того же уѣзда, Михаилъ Александровъ—въ с. Кандалу, Ставропольскаго уѣзда, 26 августа; 6) с. Богдановки, Самарскаго уѣзда, Петръ Хилковъ—къ Николаевскому градскому собору, 28 августа; 7) с. Исайкина, Бугурусланскаго уѣзда, Василій Алексѣевъ—въ с. Борискино—Игарь, того же уѣзда, 31 августа; 8)

Ставропольской Успенской церкви Петръ Ястребовъ (діаконъ)—въ с. Ясапное Помряскино, Ставропольскаго уѣзда, 4 сентября; 9) с. Криволучья—Ивановки, Николаевскаго уѣзда, Александръ Петровъ—въ с. Еланку, того же уѣзда, 5 сентября; 10) села Большой Ремизенки, Бузулукскаго уѣзда, Василій Еськовъ—въ с. Гаршино, того же уѣзда, 7 сентября; 11) с. Волюнки, того же уѣзда, Михайль Скворцовъ—въ с. Бариновку, того же уѣзда, 7 сентября.

Уволены за штатъ:

1) Псаломщикъ с. Георгіевки, Бузулукскаго уѣзда, Александръ Тихомировъ, 28 августа.

Исключены изъ списковъ живыхъ, за смертію.

1) Псаломщикъ с. Салтова, Новоузенскаго уѣзда, Гавріилъ Владыкинъ (20-го августа); 2) бывшій и. д. псаломщика с. Секретарки, Бугульминскаго уѣзда, Николай Кронтовскій (15 августа); 3) заштатный діаконъ с. Бѣлокаменки, Новоузенскаго уѣзда, Григорій Озерскій (17 іюля); 4) діаконъ с. Петровки, Бузулукскаго уѣзда, Модестъ Скворцовъ (19 іюля); 5) священникъ с. Воздвиженки, Самарскаго уѣзда, Яковъ Царевскій (16 августа).

Отъ Правленія Самарской Духовной Семинаріи.

Въ Самарскую духовную семинарію послѣ повѣрочныхъ испытаній приняты въ I-й классъ, въ 190⁰/1 учеб. году, слѣдующіе воспитанники: Рождественскій Евгений, Соловьевъ Вячеславъ, Цвѣтковъ Сергѣй, Виноградовъ Леонидъ, Виноградовъ Александръ, Рѣзниковъ Александръ, Березовскій Петръ, Рыбаковъ Петръ, Соловьевъ Василій, Арефьевъ Петръ (Сам. уч.), Кесаревъ Анатолій, Смирновъ Николай, Правдинъ Александръ, Остроумовъ Александръ, Оедоровъ Аркадій, Аксеновъ Виталій, Воецкій Викторъ, Васильевъ Василій, Арефьевъ Петръ (Купянскаго уч.), Строевъ Михайль, Мостовскій Геннадій, Смѣльскій Николай, Виноградовъ Василій, Прозоровъ Евгений, Утѣхинъ Димитрій, Смирновъ Петръ, Волженскій Иванъ, Амассійскій Василій, Вершковъ Александръ, Любарскій Владиміръ, Благоразу-

мовъ Александръ, Бѣлолиповъ Николай, Пятаевъ Петръ, Лебедевъ Владиміръ, Парадоксовъ Клавдій, Сахчинскій Алексѣй, Троицкій Николай, Промптовъ Петръ, Гумилевскій Александръ, Трубинъ Александръ, Копылевскій Алексѣй, Андреевъ Георгій, Изолѣевъ Александръ, Тринитатскій Николай, Машкинъ Сергѣй, Кармальскій Ираклій, Волженскій Василій, Островидовъ Николай, Дронскій Александръ, Копылевскій Василій, Сардинскій Митрофанъ, Любимовъ Александръ, Драгомировъ Константинъ, Ольшанскій Григорій, Зимнинскій Алексѣй, Орловъ Александръ, Густинновъ Николай, Журавлевъ Петръ, Докинъ Борисъ, Преображенскій Леонидъ, Карауловъ Петръ, Тихомировъ Николай, Александровскій Лука, Курмышскій Владиміръ и Перепелкинъ Александръ.

Слѣдующимъ ученикамъ: Зефирову Николаю, Старцеву Павлу, Ляховскому Александру, Розаліеву Ивану, Ильинскому Михаилу и Витевскому Александру въ пріемъ въ I-й классъ Семинаріи отказать.

Воспитанниковъ удовлетворительно сдавшихъ переэкзаменовку перевести въ слѣдующіе классы, а именно:

Изъ I-го штатнаго класса во II-й:

Благовѣщенскаго Димитрія, Горбунова Александра, Быстрова Діодора, Орнатскаго Павла, Хлѣбникова Вячеслава, Олерскаго Аркадія и Лебедева Ивана. I-го параллельнаго класса: Благосклонова Александра, Ксанфъ Николая, Изотова Петра, Постникова Сергѣя, Чистопольскаго Алексѣя, Попкова Ивана, Васильева Николая, Бѣльскаго Александра, Жемчужникова Михаила, Никольскаго Владиміра, Ливанова Виктора, Скворцева Александра, Любимова Владиміра, Овидіева Александра и Прозорова Семена, послѣдняго съ увольненіемъ изъ семинаріи, согласно прошенію, для поступленія въ Благовѣщенскую дух. семинарію; а также перевести во II-й классъ державшаго экзамень Углова Александра.

Изъ II-го штатнаго класса въ III-й:

Каменецкаго Михаила, Ахматова Константина, Расцвѣтова

Павла, Страхова Александра и Мамонтова Евгенія; II-го параллельнаго класса: Остроумова Алексѣя, Крылова Михаила, Протасова Владиміра, Покровскаго Леонида, Сердобова Валентина, Богородицкаго Николая, Цвѣткова Василия, Ястребова Михаила, Добронравова Вячеслава и Добронравова Димитрія, кромѣ того перевести въ III-й классъ а уволить изъ семинаріи Александрова Николая и Орловскаго Василия.

Изъ III-го штатнаго класса въ IV-й:

Смирнова Николая, Каменскаго Ивана, Ливанова Александра, Изолѣва Сергѣя, Алонзова Сергѣя и Китайцева Анатоля; изъ III-го параллельнаго класса: Лыдина Василия, Маврицкаго Виталія, Смирнова Николая, Перовскаго Валентина, Ясинскаго Θεодора и Миронова Сергѣя.

Изъ IV-го класса въ V-й:

Боголюбова Венедикта, Дубровскаго Николая, Смирнова Николая, Ягодинскаго Виктора, Розаліева Димитрія, Орлова Сергѣя, Смирнова Петра, Бѣляева Василия, Тиховидова Валеріана, Тюгаева Ивана и Тихомирова Василия.

Изъ V-го класса VI-й:

Тихомирова Николая, Невскаго Сергѣя, Тихомирова Ивана, Тринитатскаго Александра, Канкрова Михаила, Майеранова Михаила, Архангельскаго Николая, Крылова Владиміра, Охотина Алексѣя, Муромцева Леонида, Θεопемптова Александра, Орлова Іосифа и Никольскаго Петра.

Выпустить изъ семинаріи съ свидѣтельствомъ 2-го разряда объ окончаніи курса воспитанниковъ VI класса Альбанова Александра, Бѣлова Владиміра, Введенскаго Александра, Соколова Виталія и Соловьева Александра.

Изъ воспитанниковъ, неудовлетворительно сдавшихъ экзамень—оставить на повторительный курсъ:

Въ I-мъ классѣ: Евтропова Александра, Каменева Леонида, Смѣлова Николая, Лапухина Виталія, Димитріева Серапіона, Изолѣва Веніамина, Азяскаго Николая, Срѣтенскаго Николая, Жданова Димитрія и Еланскаго Іосифа. Во II-мъ классѣ: Костылева

Вячеслава. Въ III-мъ классѣ: Альбанова Михаила, Правдина Клавдія и Лебедева Константина. Въ IV-мъ классѣ: Фармаковскаго Сергѣя и Жукова Алексѣя. Въ V-мъ классѣ: Беневоленскаго Петра. Въ VI-мъ классѣ: Зобнина Александра не сдававшего экзаменъ по болѣзни, надлежаще удостовѣренной и вслѣдствіе его о томъ прошенія.

Уволить изъ семинаріи воспитанниковъ: I класса Цвѣткова Петра, II-го класса Сергіевскаго Николая, какъ безуспѣшно пробывшихъ въ классѣ 2 года, и II класса Фридьева Владиміра, за неявку къ переэкзаменовкѣ по неизвѣстной причинѣ.

Воспитанниковъ: II класса Богородицкаго Михаила и III класса Агаѳодорова Сергѣя, неявившихся къ переэкзаменовкѣ по болѣзни, допустить до переэкзаменовки, перваго — по священному писанію и математикѣ и втораго — по исторіи литературы, по выздоровленіи.

Отъ Правленія Самарскаго духовнаго училища.

I. Правленіемъ Самарскаго духовнаго училища, послѣ пріемныхъ испытаній, происходившихъ съ 17—19 августа настоящаго 1900 года, по журналу отъ 24 августа за № 43, приняты въ число учениковъ перваго класса: 1) Остроумовъ Борисъ, Красносамарскій Николай, Поспѣловъ Михаилъ, Геронтъевъ Владиміръ, 5) Чебачевъ Григорій, Смѣловскій Веніаминъ, Подгорскій Николай, Гидасповъ Ѳедоръ, Раевъ Александръ, 10) Разумовъ Владиміръ, Быстрицкій Михаилъ, Урусовъ Владиміръ, Крыловъ Николай, Агровъ Павелъ, 15) Вишневскій Аристархъ, Каменскій Михаилъ, Щегловъ Павелъ, Ястребовъ Анатолій, Смирновъ Владиміръ, 20) Дронскій Сергѣй, Поликарповъ Петръ, Разсудовъ Александръ, Богородицкій Павелъ и 24) Архангельскій Евгеній.

II. Приняты въ число учениковъ, по случаю перемѣщенія родителей изъ иныхъ округовъ, въ Самарскій училищный округъ во II-й классъ: Рыбаковъ Николай, Сурковъ Николай, Смоленскій Георгій, въ III классъ: Сардинскій Петръ и Ароновъ Александръ, согласно прошеній ихъ родителей и родственниковъ.

III. Послѣ произведенныхъ 21, 22, 23 и 24 августа переекзаменовокъ ученики IV класса—Преображенскій Павелъ, Старцевъ Павелъ, какъ славшіе удовлетворительно переекзаменовку, признаны окончившими полный курсъ ученія съ выдачею имъ свидѣтельствъ III класса—Беневольскій Вадимъ, Соковнинъ Алексѣй, Бѣлорѣченскій Романъ, Колокольцевъ Александръ—II класса Рождественскій Иванъ, Болотовъ Евгеній, Цвѣтковъ Николай—I класса: Леонидовъ Александръ, Металловъ Виталій, Разумовъ Борисъ, Панормовъ Павелъ—приготовительнаго класса Никольскій Михаилъ, Никольскій Петръ, какъ выдержавшіе удовлетворительно переекзаменовку по назначеннымъ имъ предметамъ, переведены въ слѣдующіе соотвѣтствующіе классы.— причемъ ученика Колокольцова Александра переведши въ IV классъ, согласно прошенія уволить изъ училища.

IV. Ученики IV класса: Люстрицкій Павелъ, Подбѣльскій Николай, Софійскій Иванъ;—III класса Буторовъ Александръ, Александровскій Вячеславъ, Анненковъ Константинъ;—II класса Леонидовъ Василій, Акинѣевъ Павелъ, Изолѣевъ Николай, Уваровъ Константинъ, Александровскій Иванъ—I класса Алексѣй Ястребовъ, Ястребовъ Аркадій—получившіе неудовлетворительные баллы по назначеннымъ имъ на переекзаменовкахъ предметамъ, оставлены на повторительный курсъ въ тѣхъ же классахъ, съ лишеніемъ изъ нихъ Люстрицкаго Павла, II класса Акинѣева Павла, Изолѣева Николая, Уварова Константина, I класса Ястребова Алексѣя епархіальнаго содержанія, а равно и ученика IV класса Николая Зефирова, какъ не сдавшего экзаменовъ въ семинаріи, согласно прошенія его матери, оставить на повторительный курсъ въ IV классѣ съ лишеніемъ епархіальнаго содержанія.

V. Правленіемъ училища при производствѣ пріемныхъ испытаній усмотрѣно, что мальчики, явившіеся изъ домовъ родителей числомъ изъ 26-ти 7—обнаружили неудовлетворительную подготовку по чтенію русскаго и церковно-славянскаго текстовъ сравнительно съ подготовкою по Закону Божію и счисленію настолько, что 4-мъ мальчикамъ привелось отказать въ пріемѣ за плохое чтеніе, которое было чисто слоговымъ, или по складамъ.

Между тѣмъ какъ, чтеніе русскаго и церковно-славянскаго текстовъ составляетъ самый главный предметъ при приѣмѣ дѣтей въ училище, такъ какъ мальчики, принятые съ плохимъ чтеніемъ въ училище, при изученіи уроковъ всегда отстаютъ отъ своихъ товарищей съ хорошимъ чтеніемъ въ томъ отношеніи, что послѣдніе, прочитавши заданный урокъ по учебнику, уже изучаютъ его на пересказъ, тогда какъ первые едва бредутъ еще по учебнику, отставая отъ своихъ товарищей.

Согласно утвержденнаго Его Преосвященствомъ постановленія, отъ 24 августа № 43 объявляется родителямъ и родственникамъ дѣтей, чтобы они на будущее время обратили особенное вниманіе на подготовку своихъ дѣтей въ твердомъ и отчетливомъ чтеніи русскаго и церковно-славянскаго текстовъ, какъ на самый главный предметъ при представленіи дѣтей въ училище, безъ котораго невозможно успѣшное и правильное ихъ обученіе въ училищѣ.

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

Э К З А М Е Н Ы

при Самарскомъ Епархіальномъ женскомъ училищѣ для ищущихъ званія учительницъ церковно-приходской школы въ первой половинѣ 1900/1 учебномъ году будутъ происходить: сентября 11—18; октября 23—28 и съ 27-го ноября по 2-е декабря.

П Р А В Л Е Н І Е

Николаевскаго Духовнаго училища

симъ объявляетъ, что испытанія на званіе учителя одно-классной церковно-приходской школы въ первой половинѣ 1900—1901 учебнаго года имѣютъ быть въ слѣдующіе сроки: 27 сентября, 25 октября и 27 ноября.

САМАРСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

ПРИ ЕПАРХІАЛЬНОМЪ БРАТСТВѢ СВ. АЛЕКСІЯ.

Годъ тридцать четвертый.

№ 19-й. 1-го октября 1900 года. № 19-й.

Выходятъ два раза въ мѣсяць.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою четыре рубля.

Часть неофициальная.

Обозрѣніе Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Гуріемъ, Епископомъ Самарскимъ и Ставропольскимъ церквей 1-го благочинническаго округа Бугульминскаго уѣзда 20, 21, 22 и 23 іюня сего 1900 года.

Въ іюнь мѣсяцѣ сего 1900 года Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Гурію, Епископу Самарскому и Ставропольскому благоугодно было въ числѣ церквей Бугульминскаго уѣзда обозрѣть Бугульминскій мужской Александро-Невскій монастырь и нѣкоторыя церкви 1-го благочинническаго округа. Последнимъ селомъ, изъ котораго Его Преосвященству благоугодно было отправиться въ предѣлы 1 благочинническаго округа было село Добрино II округа Бугульминскаго уѣзда. Въ означенное село прибытіе Владыки, согласно маршруту, ожидалось 20 іюня, въ каковой день неутомимый путешественникъ и прибылъ около 5 часовъ вечера. Сюда для встрѣчи Архипастыря прибылъ благочинный (и д. благ.) 1 округа, въ сопровожденіи котораго Его Преосвященство и отправился въ Бугульминскій мужской Александро-Невскій монастырь, намѣреваясь на пути осмотрѣть новостроющій-

ся храмъ въ деревнѣ Андреевкѣ прихода села Добрина. Жители деревни Андреевки, узнавши, что Его Преосвященство намѣренъ посѣтить ихъ селеніе, всѣ отъ мала до велика, вырядившись въ праздничныя одежды, вышли встрѣтить Святителя Божія съ подобающею ему честію и когда Владыка подѣхалъ къ деревнѣ, здѣсь уже стояла на колѣнахъ большая толпа народа, прося святительскаго благословенія. По улицѣ, по которой имѣлъ ѣхать Владыка, около cadaго дома у накрытаго стола стоялъ хозяинъ дома съ хлѣбомъ и солью и привѣтствовалъ Владыку, стоя на колѣнахъ. Владыка приказалъ ѣхать тише, дабы удобнѣе было преподавать благословеніе встрѣчающей и привѣтствующей Его паствѣ. Прибывши къ новостроющемуся храму, Его Преосвященство тотчасъ же приступилъ къ освященію воды, послѣ котораго, окропивши новостроющійся храмъ и народъ, обратился къ послѣднему съ глубоко-назидательнымъ поученіемъ, въ которомъ, похваливши усердіе жителей деревни Андреевки въ устроеніи ими храма, указалъ имъ на великое значеніе храма и при этомъ убѣждалъ ихъ въ томъ, чтобы усердіе ихъ къ храму неоскудѣвало, чтобы они, устроивши храмъ, чаще посѣщали его какъ сами, такъ равно и дѣти ихъ. Окончивъ поученіе и осѣнивши троекратно крестомъ предстоящій народъ, Владыка отправился въ новостроющійся храмъ и внимательно осматривалъ его, послѣ чего напутствуемый благожеланіями духовенства и народа отбылъ въ Бугульминскій Александро-Невскій монастырь. Было около 7 часовъ вечера, когда Владыка прибылъ въ монастырь. Здѣсь послѣ обычной встрѣчи Его Преосвященства, тотчасъ же началось служеніе всенощнаго бдѣнія. На литію и поліелей Владыка изволилъ выходить самъ со всѣми монашествующими священнослужителями. Всѣ присутствующіе въ храмѣ удостоились получить помазаніе освященнымъ елеемъ отъ святительской руки.

21 числа съ благословенія Его Преосвященства звонъ къ божественной литургіи былъ открытъ въ 8 часовъ утра. Спустя четверть часа Владыка совершилъ выходъ изъ помѣщенія настоятеля въ храмъ „со славою“. Къ этому времени въ храмъ собралось множество народа, прибывшаго изъ окрестныхъ деревень для

того, чтобы получить святительское благословение. Около 9 часов утра началось Архипастырское служение божественной литургии, во время которой Его Преосвященству благоугодно было монаха мѣстной обители — діакона Кипріана посвятить въ санъ священника. Послѣ заамвонной молитвы Его Преосвященствомъ было сказано молящимся глубоко-назидательное слово о томъ, въ чемъ должна выражаться наша вѣра во Святую Троицу. По окончаніи литургии Архипастырь изволилъ осматривать вновь выстроенныя зданія монастыря, посѣтилъ трапезную братіи, гдѣ и изволилъ пробовать братскую пищу. По осмотрѣ монастыря Владыка прибылъ въ покои настоятеля. Здѣсь гостепріимнымъ хозяиномъ дорогому гостю были предложены чай и скромный обѣдъ, послѣ котораго Владыка, отдохнувъ немного, отправился въ дальнѣйшій путь. По маршруту слѣдующее село было *Евфановка*. Въ этомъ селѣ Его Преосвященствомъ служеніе всенощнаго бдѣнія было назначено въ единовѣрческой моленной, служеніе же на слѣдующій день литургии въ сельскомъ храмѣ. Въ единовѣрческой моленной, послѣ обычной встрѣчи, съ благословенія Владыки тотчасъ же было начато служеніе всенощнаго бдѣнія, каковое и совершено было по единовѣрческому чину. Литія и поліелей были совершены самимъ Владыкою на открытомъ воздухѣ. Особенно торжественны были тѣ минуты, когда Владыка во время всенощнаго бдѣнія поучалъ свою паству. Мститый Архипастырь, какъ Отецъ, окруженный своими духовными дѣтьми, горячо увѣщевалъ своихъ пасомыхъ твердо держаться святой православной вѣры, уговаривалъ ихъ быть истинными сынами церкви, присоединившихся къ православію на правахъ единовѣрія, убѣждалъ имѣть единеніе духа не только со своими единовѣрцами, но и со всѣми православными христіанами. Не оставилъ безъ отеческаго вразумленія и раскольниковъ; доказавши неправоту ихъ вѣрованія, Владыка уговаривалъ ихъ оставить свои заблужденія и присоединиться къ святой православной церкви. Служеніе всенощнаго бдѣнія по единовѣрческому чину и слово Архипастыря произвело на молящихся глубокое впечатлѣніе. На другой день, 22 іюня, служеніе литургии началось въ 7 часовъ утра и совершено было Святителемъ Бо-

жімъ въ сослуженіи 4 священниковъ. Храмъ былъ полонъ молящихся, среди которыхъ были и раскольники. Въ обычное за литургіей время Его Преосвященствомъ было произнесено поученіе, въ которомъ Архипастыръ опять коснувся невѣжества раскольниковъ и опять уговариваль ихъ не медлить обращеніемъ къ святой православной церкви, въ противномъ случаѣ надъ ними будетъ тяготѣть вѣчное проклятiе и они ни въ какомъ случаѣ не удостоятся быть причастниками жизни вѣчной. Послѣ литургіи Его Преосвященство изъ храма изволилъ пройти въ отстраивающееся зданіе для церковной школы, каковое внимательно осматриваль и при этомъ даваль мѣстному священнику указанія, какъ лучше устроить расположеніе комнатъ классныхъ и учительскихъ. Осмотрѣвши зданіе, Архипастыръ пришелъ въ домъ священника и, здѣсь напившись чаю и закусивши, отбылъ при благожеланіяхъ собравшихся проводить Владыку въ село Чекань, отстоящій отъ села Евфановки на разстояніи 45 верстъ.

Нужно замѣтить, что село *Чекань* отъ всѣхъ селеній съ христіанскимъ населеніемъ находится въ разстояніи не менѣе 45 верстъ. Кругомъ этого села расположены татарскія деревни. Его Преосвященство, зная въ какихъ неблагопріятныхъ условіяхъ находится это село, давно горѣлъ желаніемъ посѣтить его и много разъ пытался попасть въ него, но каждый разъ встрѣчались какія-либо препятствія и желаніе Владыки оставалось неисполненнымъ.

Жители села Чекана весьма обрадовались, когда узнали, что Его Преосвященство намѣренъ посѣтить ихъ село и въ день приѣзда Владыки они съ ранняго утра начали готовиться къ встрѣчѣ дорогого гостя. Его Преосвященство изволилъ прибыть въ село Чекань около 6 часовъ вечера. Въ храмъ все было приготовлено къ служенію всенощнаго бдѣнія, каковое и было начато тотчасъ же послѣ обычной встрѣчи Архипастыря. Послѣ всенощнаго бдѣнія, длившагося слишкомъ три часа, утомленный Владыка отправился въ домъ мѣстнаго священника. Здѣсь, не смотря на свою усталость, Его Преосвященство изволилъ долго бесѣдовать съ мѣстнымъ священникомъ о религіозно-нравственномъ направленіи прихожанъ села Чекана, объ образѣ ихъ жизни и о мѣстныхъ усло-

віяхъ жизни. На слѣдующій день 23 іюля звонъ къ божественной литургіи по благословенію Архипастыря былъ открытъ въ 5 часовъ утра. Не смотря на такой ранній часъ, церковная площадь съ первымъ ударомъ колокола начала наполняться народомъ и ко времени выхода Владыки изъ квартиры священника была совершенно полна. Выходъ свой въ храмъ Его Преосвященство совершилъ со славою. Около 6 часовъ утра началось Архіерейское служеніе литургіи. Въ обычное время за литургіей Его Преосвященствомъ было произнесено поученіе, въ которомъ Архипастырь увѣщевалъ чадъ святой православной церкви вести жизнь сообразно съ евангельскимъ закономъ и дѣтей своихъ воспитывать въ страхъ Божіемъ, уговаривалъ ихъ своею жизнію не подавать повода послѣдователямъ Магомета глумиться надъ святою православною вѣрою. Послѣ литургіи Его Преосвященство, выкушавши въ домѣ священника стаканъ чаю, отправился осматривать школы церковно-приходскую и земскую и при этомъ изволилъ испытывать учащихся въ знаніи Закона Божія и прочихъ предметовъ. Дѣти отвѣчали прекрасно, за что и удостоились отъ Владыки похвальнаго отзыва. Всѣмъ учащимся были розданы Владыкою книжки религіозно-нравственнаго содержанія. Послѣ осмотра школъ Его Преосвященство, подкрѣпивши себя малымъ количествомъ пищи, изволилъ отбыть въ село Александровку, оставивъ по себѣ самыя лучшія воспоминанія въ жителяхъ села Чекана.

Село *Александровка* отъ села Чекана находится въ разстояніи 50 верстъ. Послѣ молебна съ освященіемъ воды Владыка въ храмѣ произнесъ поученіе на текстъ: „Азъ есмь дверь; Мною аще кто внидетъ, спасется“. Послѣ молебна Владыка разоблачившись, вышелъ къ дѣтямъ—ученикамъ и ученицамъ мѣстной церковно-приходской школы, стоявшимъ на правомъ клиросѣ, и одѣлилъ ихъ книжками религіозно-нравственнаго содержанія. При выходѣ изъ храма Его Преосвященство на пути къ дому священника преподавалъ всѣмъ свое Архипастырское благословеніе. Въ домѣ священника утомленному дальнею дорогою Архипастырю были предложены чай и закуска. Архипастырь, не смотря на свою усталость, былъ въ хорошемъ расположеніи духа и всѣхъ при-

сутствующихъ удостоилъ своимъ милостивымъ вниманіемъ. Всѣ были настроены по-праздничному радостно. Настроение было нарушено неожиданнымъ появленіемъ непрошеннаго гостя въ лицѣ нѣкаго А. Т — на, уволеннаго за крайнюю нетрезвость за-штатъ. Неприличными, дерзкими выраженіями Т — нъ оскорбилъ Владыку, но былъ во время удаленъ мѣстнымъ г. Исправникомъ. Всѣ были поражены случившимся и отъ всей души пожалѣли благостнаго Отца и Архипастыря. Владыка, преподавъ всѣмъ святительское благословеніе и успокоивши испуганныхъ священника и его семью, при благожеланіяхъ массы народа отбылъ въ село Тумбарлу для освященія мѣста подъ новый храмъ. Когда прибылъ въ село *Тумбарлу* Владыка, тамъ уже все было готово къ освященію. Архипастырь, облачившись, совершилъ водосвятный молебенъ и затѣмъ окропивши мѣсто, гдѣ долженъ быть построенъ новый храмъ, обратился къ чувашамъ съ словомъ убѣжденія построить какъ можно скорѣе храмъ и при этомъ обѣщаль свое милостивое Архипастырское содѣйствіе. Послѣ молебна Его Преосвященство приказалъ роздать всѣмъ дѣтямъ — чувашамъ, умѣющимъ читать, книжки на чувашскомъ языкѣ и затѣмъ, осчастлививши мѣстнаго священника своимъ посѣщеніемъ и преподавши всѣмъ святительское благословеніе, отбылъ въ деревню Алексѣевку Ивановскаго прихода II благочинническаго округа *).

ПОУЧЕНІЕ

въ день молебна предъ ученіемъ въ Самарской Духовной Семинаріи.

Братіе мои возлюбленніи!

Послѣ продолжительнаго перерыва снова мы собрались вмѣстѣ подъ кровлей Семинаріи, чтобы продолжить начатое дѣло... Для труда собираемся мы. И отдыхъ дается не для чего иного, какъ для того, чтобы, освѣжившись и обновившись силами, съ большимъ

*) Сообщилъ и. д. благочиннаго I округа Бугульминскаго уѣзда, священникъ Владиміръ Шлетневъ.

усердіемъ и энергіей принятыся за работу. Что можетъ быть благороднѣе, важнѣе, священнѣе труда? *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю*: такъ, по словамъ Господа нашего Иисуса Христа, жизнь Божія состоитъ въ непрестанной дѣятельности... Духи блаженные, окружающіе престоль Божій, покоя не имуть, неустанно, *день и ночь* славословятъ... На землѣ трудъ явился вмѣстѣ съ самимъ человѣкомъ. Еще въ то время, какъ Господь ввелъ впервые человѣка въ рай, человѣка — въ невинномъ его состояніи, когда не было *нужды* въ трудѣ, когда человѣкъ во всемъ имѣлъ довольство, — еще и тогда ему дана была Богомъ заповѣдь: *дѣлати его и хранити*. Изъ этого ясно видно, что трудъ необходимъ человѣку, и притомъ необходимъ не для только добыванія насущнаго хлѣба, а какъ нѣчто такое, безъ чего немислима самая жизнь человѣка, какъ разумнаго, нравственно-свободнаго существа... Со времени грѣхопаденія трудъ получилъ еще и другое значеніе для человѣка — значеніе наказанія за грѣхъ, значеніе *эпитиміи*, жертвы за грѣхъ, въ трудѣ, дотолѣ блаженный, вошло страданіе, печаль, утомленіе: *въ потѣ лица* только стало возможнымъ человѣку вкушать хлѣбъ. И вотъ почему мы видимъ, что всѣ праведники ветхаго завѣта были великіе труженики... Только языческая древность, извратившая всѣ законы не только человѣческіе, но и Божескіе, древность, уклонившаяся отъ истиннаго свѣта, „осутившаяся въ помышленіяхъ своихъ“, унизила достоинство труда, низвела его на степень рабскаго достоянія, сдѣлала его презрѣннымъ въ глазахъ общества... За то и печально же кончила эта древность, разложившись еще при видимой цѣлости въ гніющій трущъ. Христіанство возстановило значеніе труда, возвысило, облагородило его. Самъ Божественный основатель христіанской вѣры велъ труженическую жизнь на землѣ. И апостолы Его „ночи и дни дѣлали, да не отяготятъ ближнихъ“. И всѣ подвижники христіанскіе велики именно трудами и подвигами своими... Ап. Павелъ обличалъ нещадно тѣхъ, кои „поступаютъ безчинно, ничего не дѣлая“. *Если кто не хочетъ трудиться, тотъ и не ѣшь*, говоритъ онъ въ своемъ посланіи къ солунянамъ.

Такъ, возлюбленные юноши, и вы, и всѣ мы должны помнить и ставить правиломъ своей жизни наставленія св. апостола. Для труда вы оставляете свои родные кровы... для труда ученія, для того чтобы трудомъ ученья приготовиться къ труду цѣло-жизненному, самостоятельному, для Бога и ближнихъ. Возлюбите трудъ. Посвятите труду свои силы, свои юношескіе годы, дни своего обученія. Смотрите на трудъ, какъ на святой подвигъ, а не какъ на какое-то неизбежное зло, а равно и не какъ на средство только для цѣлей низменнаго порядка. Кто трудится *отъ души*, съ любовію и расположеніемъ къ дѣлу, тотъ получаетъ удовольствіе въ работѣ своей. Трудъ же наемника, раба и самъ по себѣ и по послѣдствіямъ недостойнъ христіанина, недостойнъ всякаго вообще порядочнаго, благовоспитаннаго человѣка. Берегитесь праздности... Не даромъ говоритъ народная мудрость, что праздность есть мать всякихъ пороковъ. У кого не занята душа работой, у того она является — въ лучшемъ случаѣ — постоялымъ дворомъ, гдѣ какъ временные гости смѣняются одни другими разными пустякими мечтаніями и стремленіями, пересуды тѣхъ и другихъ ближнихъ, сплетни, въ худшемъ же — гнѣздилищемъ всякихъ пороковъ и преступленій, источникомъ всякаго зла. Бездѣльный человѣкъ постепенно теряетъ любовь къ чистымъ возвышеннымъ наслажденіямъ, разучивается любить своихъ ближнихъ и холоденъ становится въ отношеніяхъ своихъ къ Богу.

Всего прискорбиѣе видѣть, когда время юности, золотое время, весна человѣческой жизни проходитъ въ праздности. Отъ юноши, привыкшаго къ праздности, уже нечего ждать добрыхъ плодовъ. Запущенное съ весны поле зарастаетъ такимъ бурьяномъ, что на все лѣто остается пропавшимъ...

Трудиться надобно всѣмъ безъ исключенія: какъ тѣмъ кто отъ природы имѣетъ небогатыя способности, такъ и тѣмъ, кои надѣлены особенными талантами. Ибо трудъ вознаграждаетъ всякую потерю, а праздность губитъ и богатыя дарованія, подобно тому, какъ въ жизни видишь: богачъ впадаетъ въ бѣдность, если не любитъ трудъ, а бѣднякъ обогащается, если неустанно работаетъ.

Особенно же надлежитъ трудъ усугубить тѣмъ изъ васъ,

кои подошли уже къ выходнымъ дверямъ школы. Вотъ двери растворяются; откроется необъятное поле жизни; множество путей на этомъ полѣ, но всѣ они ведутъ на работу: *жатва многа*.. Можетъ ли сдѣлать что нибудь доброе и полезное такой дѣлатель, который самого себя не приучилъ къ работѣ и не успѣлъ или не сумѣлъ заготовить во время надежнымъ орудіемъ для работы? Безъ боли въ сердцѣ нельзя себѣ и представить положеніе такого человѣка и въ такомъ дѣлѣ, какъ *наше* дѣло, дѣло, къ которому васъ здѣсь приготавливаютъ... Не забывайте, други, что вы должны быть *свѣтомъ* для темныхъ людей, *солюю*, предохраняющею жизнь отъ гніенія и разложенія, въ религіозно нравственномъ отношеніи... Помните, что на васъ смотрятъ съ надеждами, отъ васъ ждутъ не просто только людей съ цензомъ, а носителей истины и добра, носителей и благовѣстниковъ, скромныхъ, и честныхъ, и энергичныхъ, и умѣлыхъ *дѣлателей* на жатвѣ.

Всякое дѣло требуетъ усидчивости, внимательности, напряженія и самоотверженія. Кто берется за дѣло, долженъ стараться довести его до конца. Несчастны тѣ люди, которые принимаются за дѣло повидимому охотно, но тотчасъ же готовы бросить его, если на первыхъ шагахъ оно у нихъ почему-либо не спѣетъ, если со стороны встрѣтятся какія-либо препятствія и затрудненія. Должно помнить, что всякое дѣло необходимо требуетъ борьбы съ собою, а борьба всякая соединяется съ страданіемъ. Стоить это страданіе претерпѣть, препобѣдить, и трудъ увѣнчается успѣхомъ; а разъ брошено дѣло на полдорогѣ, оно уже не дѣлается само собою. Нужно стараться приобрести привычку додѣлывать дѣло до конца; нужно испытать самому чувства удовольствія отъ труда серьезнаго, добросовѣстнаго. Тогда не страшно будетъ пускаться не только въ область изученія школьныхъ предметовъ, но и въ открытое поле жизни.

Дай же, Господи, всѣмъ вамъ начать работу „о имени Господни“, продолжать ее усердно, „не нуждею, но волею и по Бозѣ“, и затѣмъ закончить ее въ наступившемъ учебномъ году съ желательнымъ успѣхомъ. Аминь.

Ректоръ Семинаріи, Протоіерей *Н. Боголюбскій*.

Открытие въ Самарѣ женской прогимназіи

(27 августа 1900 года).

27-го августа текущаго года состоялось въ Самарѣ открытие прогимназіи. Въ 12 час. дня въ прогимназію прибыли Г. Самарскій Губернаторъ, Гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества А. С. Брянчаниновъ, съ супругою и дочерью, представители учреждений, учебнаго вѣдомства, дворянства, духовенства, города, земства, родители и др. лица. Всѣ они были встрѣчены начальствующими въ прогимназіи, при чемъ двѣ ученицы поднесли супругѣ и дочери Г. Начальника губерніи по букету изъ живыхъ цвѣтовъ. — Не могъ быть на торжествѣ Его Преосвященство, Преосвященнѣйшій Гурій, вслѣдствіе отсутствія своего изъ Самары.

Когда священнослужители (ректоръ семинаріи и законоучители — мѣстной муж. гимназіи и открываемой прогимназіи) приготовились къ служенію торжественнаго молебствія, о. законоучитель прогимназіи протоіерей Н. П. Богоявленскій произнесъ слѣдующее слово:

Слава Богу, Благодателю нашему во вѣки вѣковъ!

Слава Господу Богу дивному Промыслителю о людяхъ своихъ!

Слава Благодателю нашему, изливающему свои превеликія милости на *вопіющихъ къ Нему день и ночь!*

Самъ Онъ во святомъ евангеліи взываетъ къ людямъ: *просите и дано будетъ вамъ; ищите и найдете, стучите и отворятъ вамъ.*

И въ другомъ мѣстѣ: *по вѣрѣ вашей будетъ вамъ!*

Возлюбленные братіе и сестры! Мы собрались сюда воздать хвалу Богу и испросить Божіе благословеніе на вновь открываемое нынѣ учебное заведеніе — Самарскую женскую прогимназію.

Возблагодаримъ-же прежде всего Его, Всещедрого Благодѣтеля, что внялъ Онъ молитвамъ вопіющихъ къ Нему!

Кому неизвѣстно, какъ давно сознавалась великая нужда въ гор. Самарѣ, во второй женской средней школѣ!—Поистинѣ вопіяли ко Господу *и день и ночь* прежде всего отцы и матери!

О, какъ многіе изъ нихъ ежегодно съ сердечною тугою возвращали обратно дѣтей своихъ изъ единственной доселѣ гимназіи лишь потому одному, что „*нѣтъ мѣстъ*.“ Надо-ли говорить, какъ жестоко это роковое „*нѣтъ*“ терзало всякій разъ любящія сердца родителей!—Да какъ не трепетать этимъ любящимъ сердцамъ, когда роковое „*нѣтъ*“ выбрасывало за стѣны желанной школы каждый годъ почти до сотни несчастныхъ!...

Но вотъ нынѣ, благодаря Господа, при живомъ сочувствіи высокопоставленныхъ лицъ и энергіи другихъ ревнителей дорогого дѣла, часъ печали для Самары миновалъ. Съ открытіемъ новой прогимназіи свободнѣе вздохнули родители и утерта не одна дѣтская слеза!

Воистинну дошли до Господа родительскіе вопли, воистинну и дѣтскій слезный лепетъ проникъ небеса!! Возблагодаримъ-же Господа! Возблагодаримъ отъ всего сердца за дарованіе столь благодѣтельнаго учрежденія — новой женской средней школы — давно желанной.

Слава Благодѣтелю Богу и за то, что Онъ послалъ *добрыхъ* дѣлателей на *новую* ниву свою!.. Та быстрота, съ какою возникло наше столь благодѣтельное учрежденіе, его приличная обстановка и сравнительная матеріальная обеспеченность, все свидѣтельствуетъ о Божіемъ благословеніи на добрыхъ дѣлателяхъ, а обильный наплывъ желающихъ учиться — и о томъ еще, какъ своевременна, какъ существенна была оказанная этими добрыми дѣлателями помощь!

Да воздастъ имъ Господь сторицею за высокое покровительство, за ревностные труды и за обильныя жертвы!

И вы, возлюбленная юныя чада, воздавая хвалу Богу, будьте глубоко благодарны этимъ благодѣтелямъ вашей школы: вамъ выпало дотолѣ почти не слыханное счастье быть принятыми всѣмъ безъ отказа, кто конечно до прогимназіи не лѣностно трудился, для васъ предприняты тяжелые труды по обезпеченію за-

веденія, для васъ поставлены особые начальники, воспитатели и учителя, готовые посвятить вамъ всѣ свои силы, чтобы вести васъ по пути правды и добра. Постарайтесь-же содѣлаться достойными оказанныхъ вамъ благъ!...

Да простить намъ почтеннѣйшее собраніе, если въ заключеніе мы позволимъ себѣ, въ интересахъ той-же новой школы, сказать еще нѣсколько словъ, а именно: что доброе начало школы все-же далеко не конецъ, даже не половина дѣла и что *только конецъ вѣнчаетъ дѣло*; новая прогимназія, какъ видите, это лишь птенчикъ еще оперяющійся, котораго надо воспитать, вскормить; это лишь распускающійся цвѣтокъ; который надо еще взлелѣять; прогимназія, какъ новое учрежденіе, несомнѣнно нуждается пока въ сильной поддержкѣ.

Соединившись нынѣ въ одной общей молитвѣ, сольемся поэтому и въ дружной предстоящей впредь каждому дѣлателью обильной работѣ: пусть всякій членъ общества сочтетъ своимъ священнымъ долгомъ вносить посильную лепту на это благодѣтельное учрежденіе, вѣдь оно созданіе того-же общества: кто своимъ вліяніемъ, кто трудами своими, кто средствами, а кто и теплымъ словомъ; во всякомъ такомъ случаѣ каждый несомнѣнно *еще* утратитъ не *одну* горькую слезу и порадуетъ не *одно* опечаленное сердце.

Будемъ-же надѣяться, что разъ общество своимъ чуткимъ сердцемъ такъ ревностно отозвалось на первый призывъ, оно и въ будущемъ, при помощи Божіей, надо думать, *славномъ* ростѣ нашего юнаго дѣтища не остынетъ въ своихъ добрыхъ чувствахъ, наоборотъ обильно покроетъ нужды школы своей уже доказанной отзывчивостью.

По произнесеніи слова совершенно было молебствіе съ водосвятіемъ и многолѣтіемъ — между прочимъ — благовѣрнымъ ревнителямъ духовнаго просвѣщенія, покровителямъ, учредителямъ и благотворителямъ новой школы, начальствующимъ, учащимъ и поступившимъ въ нее учиться дѣтямъ...

Послѣ молебствія Г. Начальникъ губерніи, Гофмейстеръ Двора Его Величества, А. С. Брянчаниновъ, какъ почетный по-

печитель открываемой прогимназіи, обратившись къ присутствующимъ съ краткимъ привѣтствіемъ, объявилъ прогимназію открытой.

Тогда исп. обязанности Предсѣдателя Педагогическаго Совѣта прогимназіи, Инспекторъ мужской гимназіи, Статскій Совѣтникъ Н. А. Спасскій произнесъ предъ присутствующими слѣдующую рѣчь подъ заглавіемъ: „Самарская женская прогимназія и ея задачи.“

Ваше Превосходительство,

Милостивыя Государыни и Милостивые Государи!

Сегодня съ Божьею помощью, при благородномъ содѣйствіи добрыхъ людей призвано къ существованію въ г. Самарѣ второе среднее женское учебное заведеніе. Потребность въ немъ существуетъ уже болѣе 10 лѣтъ. Она удовлетворялась раньше открытіемъ параллелей въ мѣстной женской гимназіи, представляющей теперь собственно двѣ гимназіи. Эта же потребность вызвала на свѣтъ частныя учебныя заведенія 1-го и 2-го разрядовъ. Однако стремленіе попасть въ гимназію не уменьшалось, и въ 1897 году было отказано въ приѣмъ въ эту школу за недостаткомъ лишь мѣста 59 дѣвушкамъ, въ 1898 г. — 74 дѣвушкамъ, въ 1899 году — 109 дѣвушкамъ.

Такая масса дѣтей, напрасно стучавшихся въ двери школы, невольно заставляла ихъ родителей искать исхода изъ столь печальнаго положенія. Еще въ іюнѣ 1898 г. на страницахъ мѣстной газеты поднимался этотъ „наболѣвшій въ г. Самарѣ вопросъ“.

О томъ же говорилось и въ 1899 году, когда въ мѣстной женской гимназіи совсѣмъ не было приѣма въ 3 и 4 классы; во 2-й классъ была принята лишь $\frac{1}{5}$ часть всѣхъ выдержавшихъ экзаменъ. Даже въ 1-й классъ тогда была принята только половина дѣвушекъ, вполне удовлетворившихъ экзаменнымъ требованіямъ; остальнымъ же было отказано въ приѣмъ.

Все это не могло не обращать вниманія Попечительнаго Совѣта гимназіи, не могло не побуждать его къ принятію мѣръ какъ противъ переполненія существующей школы, такъ и для

удовлетворенія вопіющей потребности въ среднемъ женскомъ образованіи. Былъ поднятъ вопросъ о расширеніи зданія Самарской гимназіи и открытіи новой подобной же школы; при чемъ вниманіе Совѣта остановилось на Маріинской гимназіи Вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи.

И вотъ въ началѣ 1900 г. Предсѣдатель Попечительнаго Совѣта мѣстной гимназіи увѣдомляетъ Самарское Городское Управленіе и Губернское Земство, что Совѣтъ пришелъ къ единогласному рѣшенію о необходимости для города второй женской гимназіи. Щадя средства города и земства, онъ самъ возбудилъ ходатайство предъ Главнымъ Управленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи объ открытіи въ Самарѣ на средства казны Маріинской жен. гимназіи, прося городъ и земство поддержать упомянутое ходатайство и съ своей стороны. Просьба Совѣта удовлетворена городомъ и земствомъ, которые охотно поддерживали ходатайство о Маріинской гимназіи.

Между тѣмъ приближается весна 1900 года, а вмѣстѣ съ тѣмъ выплывали на свѣтъ и скорбныя думы родителей о предстоящей борьбѣ ихъ дѣтей за право поступленія въ среднюю школу.

На страницахъ „Самарской Газеты“ появилось письмо г. Иванова о крайне тяжеломъ положеніи родителей, дѣти которыхъ остались не принятыми въ Самарскую жен. гимназію; напечатаны были статьи: „Нѣсколько словъ о женской средней школѣ въ г. Самарѣ“, „По вопросу объ учрежденіи въ г. Самарѣ жен. прогимназіи“, трактующія о необходимости открытія въ городѣ на мѣстныхъ средства хоть прогимназіи, не сожидая удовлетворенія ходатайства о Маріинской гимназіи. Вслѣдъ затѣмъ жители 2-й части г. Самары подали въ Гор. Думу прошеніе объ открытіи 2-й жен. гимназіи. Это прошеніе вызвало среди мѣстнаго населенія достойное соревнованіе, и уже въ половинѣ февраля Его Превосходительство Господинъ Самарскій Губернаторъ Гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества А. С. Брянчаниновъ благосклонно принялъ прошеніе, покрытое многочисленными подписями лицъ, принадлежащихъ къ мѣстному высшему обществу, слу-

жащихъ въ разныхъ правительственныхъ и частныхъ учрежденіяхъ г. Самары о просвѣщенномъ содѣйствіи Его Превосходительства къ учрежденію въ г. Самарѣ женской прогимназіи.

Городское Управленіе получило новое ходатайство отъ многихъ лицъ объ открытіи на средства города прогимназіи; о томъ же стали просить Думу и Члены Собранія служащихъ въ правительств. и обществен. учрежденіяхъ г. Самары.

Такое изумительное единодушіе несомнѣнно говорило о насущной потребности населенія и нашло сочувственный, благородный откликъ.

Принимая во вниманіе быстрый ростъ г. Самары, въ связи со многими причинами, лишающими возможности лицъ, имѣющихъ извѣстный достатокъ, дать своимъ дѣтямъ соотвѣтствующее образованіе, т. е. наличность тѣхъ условій, при которыхъ учрежденіе въ Самарѣ женской прогимназіи является потребностью населенія, Его Превосходительство, руководясь ст. 2685 XI т. ч. I. Св. Законовъ изд. 1893 г., призналъ необходимымъ образовывать Комитетъ для учрежденія въ городѣ женской прогимназіи подъ предсѣдательствомъ Его Превосходительства Господина Самарскаго Вице-Губернатора В. Г. Кондоиди.

Въ составъ Комитета вошли о. Ректоръ мѣстной дух. семинаріи протоіерей Н. И. Боголюбскій, Начальникъ службы пути А. Л. Чернай, Предсѣд. Г. З. Управы В. М. Карамзинъ, купецъ А. С. Злобинъ, нотаріусъ Е. О. Юринъ, инспекторы гимназіи и реального училища Н. А. Спасскій, Д. Г. Пономаревъ, врачъ В. И. Мылицынъ и купецъ А. И. Константиновъ, послѣдніе двое по избранію Г. Думы.

Въ то же время Городская Дума въ засѣданіи 8 марта, согласно докладовъ училищной и бюджетной комиссій, равно и благосклоннаго заключенія Управы признала необходимымъ учредить съ августа 1900 г. въ городѣ 4-классную жен. прогимназію, съ ежегоднымъ ассигнованіемъ, по представленной смѣтѣ, въ 3000 р., начиная съ января 1900 г.

Въ виду сказаннаго, учрежденный Господиномъ Губернаторомъ Комитетъ въ засѣданіи 28-го марта сего года, разсмотрѣвъ

составленную по содержанию прогимназии смѣту, нашель, что упомянутая школа можетъ существовать на спеціальныя средства, при ежегодномъ ассигнованіи отъ города въ 3000 р.

По сему Комитетъ постановилъ ходатайствовать предъ Его Превосходительствомъ Г. Попечителемъ Казанскаго Учебнаго Округа о разрѣшеніи ему открыть съ начала ¹⁹⁰⁰/1901 учеб. года въ Самарѣ 4-классную женскую прогимназію, на основаніи ст. 2682 Св. Законовъ XI т. ч. I. изд. 1893 г.

Въ своихъ заботахъ о нарождающейся школѣ, Комитетъ одновременно обратился къ мѣстному населенію съ просьбою о сильномъ пожертвованіи въ пользу прогимназии, что нашло живой откликъ, и Комитетъ къ 27 августа собралъ пожертвованіи въ количествѣ до 16 т.

Выдающимися жертвователями были Л. С. Аржановъ давшій 3000 р., П. С. Аржановъ — 1000 р., Ант. Ник. Шихобаловъ 1000 р., Н. Ив. Кирилловъ 1000 р., В. Л. Прохоровъ 600 р., А. А. Субботинъ 500 р., А. С. Шумова 500 р., Ив. Ив. Шихобаловъ 500 р., Кон. И. Курлинъ 500 р., А. Г. Курлинъ 300 р., Н. Г. Неклютинъ 200 р., Е. О. Юринъ 200 р. и другіе. Но рядомъ съ тысячами рублей неслись и трудовыя копейки, принятыя Комитетомъ, какъ лепта евангельской вдовицы

Одновременно былъ поднятъ вопросъ и о мѣстоположеніи будущей прогимназии. Было признано необходимымъ найти для школы подходящее помѣщеніе въ 3-й части города, однако въ мѣстности, имѣющей удобное сообщеніе съ другими частями города. Комитетъ намѣтилъ для прогимназии домъ Е. О. Юрина, что на Троицкой улицѣ, противъ сада духов. семинаріи, вблизи муж. гимназии и конно-желѣз. дороги. Домовладѣлецъ предупредительно согласился отдать подъ прогимназію свою усадьбу, если Город. Дума освободитъ его отъ обязательства имѣть въ сказанномъ домѣ два приход. училища. На возбужденное по сему ходатайство Комитета. Дума благосклонно согласилась, и теперь прогимназія помѣщается въ домѣ, какъ бы нарочно устроенномъ для школы, имѣя въ своемъ распоряженіи и садъ.

II.

21 апрѣля послѣдовало разрѣшеніе со стороны Окружнаго начальства на открытіе съ начала предстоящаго учебнаго года въ Самарѣ 4 классной жен. прогимназіи.

Комитетъ въ засѣданіи 29 апрѣля постановилъ привести населеніе города въ извѣстность объ этомъ, принялъ на себя заботы по обезпеченію прогимназіи мебелью и разнаго рода школьнымъ имуществомъ.

Составленъ былъ штатъ учащихся, а Городская Дума въ засѣданіи 14 іюля избрала лицъ въ составъ Попечительнаго Совѣта прогимназіи.

Избранныя лица утверждены Г. Попечителемъ Учеб. Округа, и прогимназія съ 1-го числа августа призвана была къ существованію, а сегодня послѣдовало ея оффиціальное открытіе.

Открытая прогимназія М. Н. Просвѣщенія по закону имѣеть счастье состоять подъ покровительствомъ Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Павловны. Это средняя правительственная школа, 4 класса которой во всемъ вполнѣ равняются 4 низшимъ классамъ гимназій: I, II, III, IV-му.

Почетнымъ попечителемъ своимъ, согласно закона, она нынѣ имѣеть Его Превосходительство Господина Начальника губерніи Гофмейстера двора Его Величества А. С. Брянчанинова.

Попечительный Совѣтъ прогимназіи состоитъ изъ слѣдующихъ лицъ: А. С. Злобина, А. И. Константинова, В. И. Мылицына, Д. Г. Пономарева, Н. А. Спасскаго, А. А. Фолькманъ, Е. О. Юрина.

Обязанности предсѣдателя Педагогическаго Совѣта возложены на инспектора мужской гимназіи ст. совѣтника Н. А. Спасскаго.

Исправляетъ д. начальницы домашняя наставница А. А. Фолькманъ.

Законоучитель прогимназіи протоіерей кандидатъ Богословія Н. П. Богоявленскій.

Преподавательница рус. языка д. наставница А. А. Фолькманъ.

Преподавательница французскаго языка д. наставница Ю. М. Васильева.

Преподавательница нѣмецкаго языка д. наставница Н. А. Мисаилова.

Преподавательница математики д. наставница Ю. Н. Яковлева.

Преподавательница исторіи дом. наставница З. А. Кирилова.

Преподавательница географіи дом. учительница А. М. Грифцова.

Преподаватель ест. исторіи ст. совѣтникъ Н. Ф. Кирьяновъ.

Преподавательница рисованія и чистописанія д. учительница О. К. Церацкая.

Преподавательница пѣнія нач. учительница П. Д. Соколова.

Преподавательница рукодѣлія дом. учительница О. А. Гурячкова.

Классною надзирательницею состоитъ дом. учительница О. А. Гурячкова.

Обязанности дѣлопроизводителя попеч. Совѣта прогимназіи исполняетъ Ю. Н. Яковлева.

Таковъ штатъ лицъ, попеченію и трудолюбію которыхъ поручена прогимназія.

Предметы преподаванія въ прогимназіи по классамъ тѣ же самыя, что и въ женск. гимназіяхъ въ соотвѣтственныхъ классахъ; они также дѣлятся на обязательныя и необязательныя. Учебныя курсы проходятся по тѣмъ же программамъ, что и въ гимназіяхъ. По утвержденному 23 декабря 1882 г. Г. Министромъ Нар. Просвѣщенія мнѣнію Ученаго Комитета Министерства, ученицы прогимназій, слѣдовательно и Самарской, имѣютъ право на свободный переходъ въ соотвѣтствующіе классы гимназій и обратно; онѣ имѣютъ право на продолженіе своего образованія, поступая безъ экзамена въ соотвѣтствующій старшій классъ гимназій, если такового въ прогимназіи нѣтъ. Хозяйственная часть Самарской прогимназіи ведется на основаніи тѣхъ же правилъ, что и въ гимназіяхъ.

Члены Попечительнаго Совѣта, равно и другія лица, служащія въ прогимназіи, пользуются одинаковыми правами и преимуществами, что и служащіе въ гимназіяхъ.

Ученицы прогимназіи, по окончаніи въ ней курса, имѣютъ

право на званіе начальныхъ учительницъ, если по достиженіи 16-лѣтняго возраста будутъ исполнять въ теченіи полугода обязанности помощницы учителя или учительницы въ какомъ-либо начальномъ училищѣ. Это званіе учительницы начального училища даетъ и 7-классная гимназія.

Таковы права и преимущества открытой нынѣ средней школы.

Въ послѣднюю ко дню открытія поступило 176 дѣвицъ. Изъ нихъ въ I кл.—51 дѣв., во II кл.—48 дѣв., въ III кл.—40 дѣв., въ IV кл.—37 дѣв. Сверхъ комплекта принято въ 1 и 2 классы 19 дѣв. Не принято за недостаточной подготовленностью и отчасти переполненіемъ млад. классовъ 25 дѣвицъ. По сословіямъ изъ принятыхъ оказалось дѣтей дворянъ и чиновниковъ — 60 чел., духов. званія — 2 чел., город. сословіи — 88 чел., сельскихъ сословіи — 26 чел., итого — 176 человекъ.

Мы сейчасъ только что молитвенно призывали на прогимназію Божіе благословеніе. Я лично привѣтствую присутствующихъ съ новою школой, отъ всей души желаю этой школѣ, этому дорогому для меня дѣтищу, всякаго благополучія. Дай Богъ, чтобы она среди общаго вниманія начала и продолжала свое развитіе, заключаая въ себѣ все большее и большее число классовъ, при первой къ тому возможности и при ближайшемъ содѣйствіи со стороны мѣстнаго общества, согласно Положенія о жен. гимназіяхъ и прогимназіяхъ М. Н. Просвѣщенія.

III.

Открытая школа должна быть школой православно-русской; она призывается служить идеаламъ русскаго народа, и родное, русское здѣсь будетъ стоять на первомъ планѣ въ ученіи и воспитаніи.

Для успѣшнаго и цѣлесообразнаго служенія дѣлу просвѣщенія на началахъ религіозно-нравственныхъ и національныхъ, для пріобрѣтенія симпатій дѣтей и населенія, школѣ предстоитъ выработать ясный, опредѣленный планъ дѣйствій, выяснить въ подробностяхъ учебно-воспитательскія задачи и беззавѣтно предаться труду.

Поэтому всѣ въ школѣ призываются работать сознательно,

дружно, не щадя силъ, съ любовью къ дѣлу, съ тѣмъ божественнымъ огнемъ, который жжетъ сердца людей и исключаетъ возможность своекорыстнаго разсчета.

Если школа хочетъ имѣть благотворное учебно-воспитательное вліяніе, необходимо, чтобы предъ глазами дѣтей былъ благородный возвышенный примѣръ.

Прежде всего нужно, чтобы лица, стоящія во главѣ учрежденія, служили этимъ примѣромъ. Они положены во главу угла, чтобы, по слову евангельскому, служить всѣмъ, увлекать всѣхъ своею дѣятельностью, производительностью своего труда.

Только личный примѣръ, только умственная и нравственная высота, только готовность руководителя трудиться для школы, не щадя себя, ведутъ послѣднюю впередъ, а не сила регламентации или внѣшняго принужденія, что можетъ быть крайнею мѣрой, ибо вносить въ жизнь школы элементы неудовольствія и даже раздраженія.

Да и какъ можно требовать отъ другихъ того, чего самъ не дѣлаешь, укорять въ томъ, въ чемъ самъ грѣшишь! Знаніе, опытность, энергія, самопожертвованіе, осмотрительность и нравственная строгость къ самому себѣ, снисхожденіе къ другимъ — вотъ что нужно для того, кто хочетъ руководить другими.

Не менѣе серьезныя и отвѣтственныя обязанности возлагаются школою и на учащихся, на воспитателей. Они никакъ не могутъ разсчитывать лишь на то, что уже ими пріобрѣтено, усвоено: школьное дѣло требуетъ постояннаго подновленія, постоянной подготовки и обработки уроковъ. Учитель, думающій объ урокѣ лишь предъ тѣмъ, какъ итти въ классъ, или даже въ классѣ, уже не учитель, не педагогъ, а наемникъ, не достойный своего званія. Воспитатель, предлагающій дѣтямъ не личный примѣръ строгаго, серьезнаго отношенія къ дѣлу, а разныя нравоученія и благія пожеланія, не воспитатель. Ему не вѣрятъ, ибо его дѣла расходятся съ словами. Нѣтъ ничего пагубнѣе въ нравственномъ отношеніи для дѣтей, какъ это несоотвѣтствіе слова съ дѣломъ.

Отъ учителя требуется самопожертвованіе. «Если пшеничное зерно, падши въ землю, не умретъ», то не дастъ плода, „а

если умереть, *многъ плодъ сотворитъ*“ (Іоан. 12, 24). Вотъ евангельское указаніе.

Школьная дисциплина должна быть внутреннею по преимуществу. Конечно, мы всѣ должны стремиться, чтобы дѣти въ школѣ приобрѣли добрые навыки: были опрятны, бережливы, скромны во всемъ, вѣжливы; но одна внѣшняя выправка безъ душевнаго содержанія еще не много значить. Извѣстный въ Казанскомъ краѣ педагогъ, незабвенный Н. И. Ильминскій по сему вопросу говоритъ слѣдующее

„Чтобы многолюдное собраніе учащихся удержать въ порядкѣ, нужно воодушевить молодые умы высшей идеей будущаго ихъ служенія, поддержать въ нихъ христіанское, религіозное воодушевленіе, любовь къ труду, гуманный идеализмъ, словомъ держать ихъ въ постоянномъ умственномъ и нравственномъ напряженіи. Лишь нравственныя пружины способны поддержать молодыхъ людей въ стройномъ порядкѣ. Внѣшними средствами невозможно поддерживать порядокъ въ заведеніи; внѣшнія средства не имѣютъ никогда воспитательнаго значенія; они способны скорѣе развить лицемѣріе, которое соединяетъ благоприличіе предъ глазами надзирателей съ заочными унизительными поступками, и котораго не должно быть въ заведеніи“ *).

Если вы хотите, чтобы дѣти не шалили на урокахъ, были внимательны, такъ займите ихъ умъ и воображеніе интереснымъ дѣломъ, увлеките ихъ въ это дѣло своимъ примѣромъ, не щадите себя на работѣ — и получите обильные плоды

Самый классный урокъ представляетъ сложный психическій актъ взаимодѣйствія учащаго и учащихся, но вліяніе учителя должно преобладать, онъ долженъ овладѣть вниманіемъ класса. Тутъ полезны всякіе методы, всякіе приемы, лишь бы они въ рукахъ преподавателя были дѣйственны и цѣлесообразны; но внѣшнее принужденіе занимаетъ послѣднее мѣсто, — не желательно. Если воспитатель желаетъ видѣть своихъ дѣтей исполнительными, послушными, разсудительными, онъ долженъ выдвинуть впередъ идею законности, долга, права. Если его дѣти должны быть готовы къ са-

*) Казанская крещенотат. школа ст. 445, 446. Изд. 1887 г.

мопожертвованію, онъ долженъ развивать въ нихъ чувство любви и состраданія къ окружающему. Здѣсь, на школьной скамьѣ будущія гражданки должны впитывать въ себя сознаніе законности поступка, справедливости къ ближнему, строгое исполненіе принятыхъ на себя обязанностей; развивать въ себѣ божественный огонь любви къ человѣчеству.

Но справедливость, законность и гуманность обязательны прежде всего воспитателямъ; они прежде всего должны быть строги именно къ себѣ, а потомъ уже къ дѣтямъ.

Съ другой стороны всякая поблажка вредна, и нѣтъ ничего пагубнѣе въ дѣлѣ ученія и воспитанія, когда это дѣло основано на взаимной поблажкѣ человѣческимъ слабостямъ, даже порокамъ, поблажкѣ, прикрываемой сурдинкой гуманности, закона.

Работа преподавателей, конечно, не должна быть единичной: она должна быть общей и дружной, гдѣ сильные поддерживаютъ и направляютъ слабыхъ. На взаимный обмѣнъ мыслей, на выработку общихъ пріемовъ педагогическаго воздѣйствія и должны итти тѣ часы, которые проводятъ педагоги вмѣстѣ.

Такая общая и братская работа, взаимопомощь при сердечномъ отношеніи къ дѣтямъ привлекутъ послѣднихъ къ школѣ, заинтересуютъ дѣломъ, и наша школа будетъ мѣстомъ общаго пріятнаго труда на пользу Государю, Церкви и Отечеству, а не мѣстомъ дисциплинарнаго лишь воздѣйствія.

Наша школа заключаетъ въ себѣ дѣтей разныхъ сословій, вѣроисповѣданій, положеній и состояній, разныхъ индивидуальныхъ наклонностей. Она должна объединить учащихся, выдвинувъ впередъ высокіе мотивы, ослабляя, искореняя низкія стремленія индивидуума. Педагогамъ предстоитъ создать въ классахъ нравственную дисциплину, вселить и развить въ дѣтяхъ стремленіе къ идеалу, возвышенному въ жизни. Тогда послѣднее само вытѣснитъ изъ класса все низменное и даже порочное. Воспитательница будетъ лишь регулировать дѣло классной жизни на этихъ благородныхъ мотивахъ.

Но рядомъ съ этимъ педагоги должны принимать во вниманіе и индивидуальныя наклонности дѣтей, не заглушая дара

Божія, а развивая его, способствуя дѣтямъ на ихъ не легкомъ школьномъ пути.

Дай Богъ, чтобы наша школа была чужда мертвящаго формализма, чтобы въ ней царила живая душа, полная искренней сердечности.

Трудны и многосложны обязанности педагога; онѣ требуютъ постояннаго бодрствованія, работы, самоусовершенствованія; но онѣ чисты и благородны, онѣ чужды житейской суеты и своекорыстнаго разсчета. Возьмемъ же на себя это трудное дѣло учительства въ новой школѣ съ сознаниемъ своего недостатка, съ любовью къ дѣлу, съ искреннимъ желаніемъ самоусовершенствованія на избранномъ узкомъ пути.

Да поможетъ намъ Богъ!

Дѣти! Вы будете собираться сюда для усвоенія всего полезнаго и высокаго. Будьте же внимательны и довѣрчивы къ своимъ наставницамъ, слѣдуйте ихъ примѣру и ободряйте ихъ своимъ трудолюбіемъ и успѣхами. Это будетъ побуждать ихъ къ дальнѣйшему труду, будетъ имъ лучшею наградою за труды.

Я обращаюсь и къ Вамъ, родители нашихъ ученицъ, съ тою же просьбою о вниманіи и довѣрии къ школѣ. Двери прогимназіи для Васъ открыты настежь. Пусть же матери чаще посѣщаютъ прогимназію, бесѣдуютъ съ нами о дѣтяхъ, взаимно слѣдятъ за работою этихъ дѣтей. Тогда установится взаимная связь между школою и семьею, тогда выяснится многое изъ жизни дѣтей, къ пользѣ для послѣднихъ; тогда семья придастъ школѣ свой сердечный характеръ, а школа будетъ воздѣйствовать на семьи своимъ опытнымъ указаніемъ. *Се что добро или что красно, но еже жити, братіе, вкупѣ!* (Пс. 132).

Вотъ этой-то совокупной дѣятельности семьи и школы на пользу малыхъ сихъ я душевно желалъ бы нашей прогимназіи, какъ учрежденію новому, еще чуждому нажитыхъ преданій и привычекъ.

Наша прогимназія возникла на мѣстныхъ средства. Добрые люди любовно принесли для нея кто тысячи, а кто и трудовыя копейки, каждый по мѣрѣ силъ отъ трудовъ своихъ и отзывчи-

вості сердца. Школа является такимъ образомъ дитятею сердца этихъ людей.

Такъ пожелайте же, дорогіе гости, чтобы это дитя сердца преуспѣвало въ премудрости и возрастѣ, преуспѣвало въ любви у Бога и людей!

Актъ открытія прогимназіи закончился народнымъ гимномъ. Послѣ этого дѣти были отпущены домой, а почетнымъ гостямъ предложенъ отъ Попечительнаго Совѣта завтракъ.

Открытие прогимназіи было встрѣчено со стороны родителей многочисленными устными и даже письменными благопожеланіями. Приводимъ одно изъ нихъ, прочтенное г. Кирилловой предъ гостями за завтракомъ и сочиненное однимъ изъ родителей—г. Щегловымъ:

Къ открытію въ г. Самарѣ женской прогимназіи 27-го августа 1900 г.

Слава на поприщѣ знанья трудящимся!

Слава наставникамъ, польза учащимся!

Многія лѣта Монарху, отчизнѣ!

Какъ роса или дождь благодатный

На землю, томимую зноемъ,

Падуть,

Такъ слово науки и—мысли разумной

Въ головки младыя лучъ знанья

Прольютъ.

Какъ солнце, сквозь тучи, лучами

Могучими землю, порой,

Освѣщаетъ,

Такъ свѣточъ науки сердца молодыя

Въ вѣрѣ, надеждѣ, любви

Укрѣпляетъ.

Н А Ю Г Ъ.

ДНЕВНИКЪ ВОСПИТАННИКОВЪ САМАРСКОЙ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ

за время лѣтней экскурсіи 1900 года.

(Продолженіе).

10 часовъ утра. Еще промелькнуло нѣсколько станцій. Поездъ идетъ нѣсколько тише, чѣмъ до Козлова, уже не „скорымъ“, а только „почтовымъ“. Юношество окончило свой завтракъ и чай и принялось за обычныя занятія „съ усердіемъ, достойнымъ лучшей участи“. Заняли всѣ лавочки въ вагонѣ: вверху, и внизу, и по бокамъ, подъ окнами и надъ окнами, и каждый вооружился книгой. Получилось нѣчто среднее между больничной палатой и классной комнатою. Прилежанія къ книгѣ, впрочемъ, не было замѣтно, — читали больше потому, что дѣла свои всѣ передѣлали. Въ окно — хоть и не заглядывай: на цѣлые десятки верстъ тянется мертвая равнина: ни жилья, ни церкви Божіей. Для избалованнаго видами Поволжья Самарца — самая непріятная перспектива. Обстановка вагона еще печальнѣе: стѣны окрашены въ какую-то тюремную краску, всюду грязь, пыль и копотъ. На одной изъ дальнѣйшихъ станцій случилась цѣлая комедія на тему: „своихъ не узнали“. Какой-то энергичный батюшка выгналъ нашихъ семинаристовъ изъ отдѣльнаго купэ и самъ занялъ ихъ мѣсто. Отъ скуки и апатіи не возражали пастырю, а мирно забрали вещи свои и переселились по сосѣдству. Послѣ станціи Грязи читающая публика утомилась; книги получили другое назначеніе: у однихъ замѣнили изголовье, у другихъ — вуаль, которой на ночь покрываютъ лицо отъ москитовъ. Вещь очень цѣлесообразная: и воздухъ не пропускаетъ, и грѣетъ основательно, можно до вечера проспать. Одинъ юноша сѣлъ въ уголь, опрокинулъ голову навзничъ и спитъ, какъ въ войну двѣнадцатаго года; двое другихъ ухитрились растянуться поперекъ лавочекъ. Въ общемъ — картина кладбищенская; утѣшеніе могло быть развѣ въ томъ, что и плохіе сны, которые видѣли спавшіе, были все же лучше окружающей дѣйствительности... На улицѣ дождикъ. Въ такую погоду только и оставалось — или обѣдать, или чай пить. Но на наше горе и

туть неудача: на станці Графской дали воду такую, что въ ротъ не возьмешь: пришлось ждать до Воронежа... Поѣздъ пошелъ быстро, дождикъ перемежается, потомъ и совсѣмъ перестаетъ. Путь идетъ лѣсомъ, черезъ сосновую рощу. Взоръ начинаетъ отдыхать послѣ однообразныхъ впечатлѣній голой степи. Версть пятнадцать не доѣзжая Воронежа, открывается роскошный видъ на городъ и его окрестности. Городъ расположенъ на правомъ берегу рѣки, по подгорью, и весь утопаетъ въ зелени. Издали очень красиво блестятъ на солнцѣ главы храмовъ и надъ всѣми постройками величественно возвышается высокая колокольня и шпиль монастыря святителя Митрофанія. Едва успѣвши протереть глаза послѣ сна, долго рассматриваемъ въ бинокль эту панораму, не будучи въ состояніи оторвать взоровъ отъ чуднаго зрѣлища. Ближе къ Воронежу и прилегающія къ желѣзному пути окрестности становятся лучше и живописнѣе. Послѣ станці Раздѣльной—одинъ за другимъ идутъ два очень красивыхъ моста черезъ рѣку Воронежъ, съ пролетами, окрашенными въ свѣтлую краску. Направо—насыпь, налево, по береговому уступу, деревья, спускающіяся прямо къ рѣкѣ. Поѣздъ, растянувшись полукругомъ, красиво огибаетъ среди зелени какую-то гору. Даль необъятная открывается во всѣ стороны; подгородныя села и деревни, плетень вблизи самой желѣзной дороги, вдали—бѣлыя мазанки, синіе домики и заборы, коричневая крыша и окрашенная въ красную краску ставни домовъ; церковь подъ горою вся въ зелени почти надъ самой рѣкой; рядомъ съ полотномъ дачка; масса цвѣтовъ по уклону горы. Поѣздъ встрѣчаетъ группа скучающихъ дачниковъ: барышня съ подвязанными зубами и два гимназиста. Лица у всѣхъ постныя, вытянутыя, тоже, должно быть, какъ и мы, со сна. Далѣе—стадо свиней, домашнія куры, рабочій народъ...

Воронежскій вокзалъ такъ непривлекателенъ, что чѣмъ скорѣе изъ него выбраться, тѣмъ лучше. Мы остались въ немъ не болѣе, чѣмъ на три минуты и спѣшно двинулись въ конку, допрашивая у каждаго встрѣчнаго, гдѣ Митрофаніевъ монастырь и могилы поэтовъ—Кольцова и Никитина. Монастырь, конечно, всякій знаетъ, а о поэтахъ всѣ позабыли. Большихъ трудовъ

стоило намъ получить точную справку названія кладбища, гдѣ они похоронены. Конка пошла чрезъ пять минутъ, поджидали пока придетъ встрѣчный вагонъ и соберутся все пассажиры. Не успѣли мы проѣхать вокзальный садикъ, какъ сразу же испытали самое трогательное разочарованіе. Городъ, красивый издали, въ этой части своей представляетъ сплошное болото, по которому одиноко ходятъ двѣ свиньи, отыскивая себѣ какія то цѣнности въ лужахъ грязи. Но первое непріятное впечатлѣніе сразу же измѣнилось, какъ только мы выѣхали на главную улицу. Это все равно, что съ Самарской Воскресенской площади въ осеннее время мы перенеслись бы чудомъ какимъ нибудь въ Петербургъ на Невскій. Незнаемъ, многимъ ли уступаетъ Воронежская главная улица столичнымъ: таже ширина асфальтовыхъ панелей, тотъ же всюду камень, тѣже роскошныя зданія — одно другого лучше, одно другого изысканнѣе по архитектурной отдѣлкѣ. При всемъ томъ — чисто степной просторъ, пирамидальныя тополи по сторонамъ, масса свѣта и влѣво — чудные виды подъ гору, на зарѣчье, невольно заставляютъ васъ отдать предпочтеніе этому провинціальному проспекту, носящему скромное названіе Дворянской улицы. Здѣсь сосредоточены все присутственныя мѣста и почти все учебныя заведенія города: семинарія — громадное зданіе съ иконой при входѣ, гимназія, духовное училище, похожее больше на дворецъ, Окружный Судъ, театръ, напоминающій малый Московскій и масса магазиновъ. Далѣе — прямая какъ стрѣла улица кончается и отъ главной линіи конки идутъ двѣ вѣтви: одна налѣво, къ Митрофаніеву монастырю, другая — направо, къ Митрофаніевскому кладбищу. Мы ѣдемъ сначала поклониться мощамъ святителя. Это, по конкѣ, какихъ нибудь пять минутъ. Монастырь по внѣшнему благоустройству — таже Лавра или, по крайней мѣрѣ Соловки. Громадныя стѣны, колонны, просторные входы, великолѣпные храмы и въ довершеніе всего — цѣлыя толпы богомольцевъ — бѣдныхъ, оборванныхъ за время дороги, съ утомленными, испитыми лицами, и неизмѣннымъ посохомъ въ рукахъ и котомкой за плечами. Молитвенно обнаживъ головы, въ благоговѣйномъ, торжественномъ настроеніи вступаемъ мы во врата этой

первоклассной русской святыни, тихой поступью проходимъ ворота и помость и входимъ въ главный соборъ, гдѣ почиваютъ мощи святителя. Какая здѣсь простота, при всемъ великолѣпіи: ни лишняго рисунка, ни роскошнаго изображенія, свѣтлозеленая краска на стѣнахъ и колоннахъ и совершенно простой иконостасъ подъ громаднымъ, свѣтлымъ куполомъ. Мы не знаемъ, гдѣ почиваютъ мощи святителя, но по этой непрерывно движущейся толпѣ, пришедшей издалека къ источнику благодати, инстинктивно угадываемъ мѣсто гробницы и, подойдя съ праваго входа, падаемъ ницъ. Долго молится ректоръ, внимательно, благоговѣнно осѣняютъ себя крестнымъ знаменіемъ наиболѣе религіозно настроенные юноши... Трудно, конечно, сказать за всѣхъ, что каждый чувствовалъ, но на лицахъ, утомленныхъ тяжестью пути, можно было замѣтить тоже свѣтлое, восторженное настроеніе, что и у этой громадной толпы народа, ежедневно сюда приходящаго. Фигуры монаховъ и схимниковъ, свѣтъ многочисленныхъ лампадъ и художественнаго письма иконы, поставленныя около гробницы, дополняютъ впечатлѣніе, договариваютъ то, что не могло быть высказано молчаливымъ, религіозно-восторженнымъ взоромъ при видѣ святыни. Сердце русскаго человѣка одинаковое—и у интеллигента и у простолюдина, и бываютъ въ жизни того и другого моменты, когда сливаются ихъ сердца въ унисонъ, чувствуютъ однимъ общимъ чувствомъ, мыслятъ одной общей мыслью, очищенной вѣрой отъ житейской скверны. У того и другого безконечное множество заботъ, и въ неурожайномъ полѣ или въ департаментѣ находятъ себѣ примѣненіе эти заботы,—все равно здѣсь оба, и крестьянинъ пахатникъ и согбенный чиновникъ находятъ себѣ утѣшеніе, воскрешаютъ въ загрязненномъ сердцѣ то рѣдкостное, данное только избраннымъ настроеніе, когда человѣкъ, какъ дитя въ періодъ перваго лепета, зажигаетъ въ Пасху въ первый разъ свѣчу отъ свѣчи сосѣда. Нѣчто подобное этому испытали и мы—по крайней мѣрѣ нѣкоторые изъ насъ при видѣ чтимой русской святыни. Нельзя точно передать чувство, оно не поддается описанію, но можно сказать, что оно было и радостью, и вмѣстѣ отдыхомъ послѣ утомленія длинной

вереницей учебных впечатлѣній и послѣ дальней дороги, отдохомъ у источника, куда пришли изъ пустыни люди, жаждущіе *воды жизни*. Чувствую, что не въ силахъ косный мой языкъ выразить это святое настроеніе; что не съумѣетъ умъ мой подобрать для сравненія какой нибудь образъ изъ впечатлѣній житейскихъ; да и какое можетъ быть сравненіе? Какое можетъ быть общеніе свѣту ко тьмѣ... Мы, юные, еще только готовящіеся вступить въ жизнь земно молимся тебѣ, великій святитель, укрѣпи духовныя и тѣлесныя силы наши; помоги намъ „украсить“ свѣтильники въ душахъ нашихъ, да не оскудѣетъ до конца дней нашихъ необходимый для горѣнія елей въ сосудахъ...

Что-то прерываетъ молитвенную мысль... Пора идти дальше, но... если бы дольше, дольше не уходить отсюда: хорошо намъ здѣсь быть.. Разстаемся съ этимъ храмомъ какъ съ роднымъ сокровищемъ.

Еще четверть часа и четверо „художниковъ“ и „поэтовъ“ успѣли перелетѣть почти на другой конецъ города, къ могилѣ Кольцова. Не помѣшали грязь и слякоть разыскать дорогихъ покойниковъ. На тихомъ кладбищѣ, съ маленькой, кажется, круглой церковью, среди зелени, за алтаремъ похоронены два воронежскихъ поэта. Надпись у входа къ могиламъ, на которую указалъ намъ услужливый мальчикъ, гласила: „дорожка къ могилѣ Кольцова и Никитина“. Пятьдесятъ сажень — и предъ нами два памятника — скромный черный, подъ которымъ лежитъ Кольцовъ и бѣлый мраморный, украшенный барельефами, гдѣ похороненъ Никитинъ. Хорошій это уголокъ, особенно для тѣхъ, кто любитъ русскую поэзію. Не первоклассные писатели похоронены здѣсь, а люди горя, выстрадавшіе свой стихъ, вычеканившіе его слезами на скрижаляхъ сердца гораздо раньше, чѣмъ передали его перу и тисненію. Это сама жизнь — горькая, суровая, неприглядная. Это сама нужда, постоянное, вѣчное гоненіе идейныхъ настроеній и идеальныхъ порывовъ, непризнающее въ свѣтѣ ничего, кромѣ рубля и кулака, о чемъ намъ такъ неподражаемо писалъ Никитинъ въ своей безсмертной поэмѣ. Это вѣчное стремленіе изъ тьмы къ свѣту, изъ мрака злости, озорства и провинціальныхъ сплетенъ къ

чистому знанію, беззавѣтному простору мысли и чувства. Святая это дорога, но и тернистая, и узкая и трудно-проходимая. „Какъ узникъ я рвался на волю“, пишетъ поэтъ, упрямо цѣпи разбиваль, я свѣта, воздуха желаль. Въ самомъ дѣлѣ, ужъ если у насъ, въ духовной средѣ, гдѣ только и рѣчи, что про жизнь души да про божественное, поэта и писателя клеймятъ обиднымъ прозвищемъ мечтателя и беспочвеннаго идеалиста, если у насъ часто интересъ рубля и разчета въ силу необходимости преобладаетъ предъ остальными, то что сказать объ искрѣ Божіей, тайно загорѣвшейся въ мысли какого нибудь сына стараго лавочника или безвѣстнаго прасола? Если у насъ чистое, художественное чутье и поэтическое чувство часто считаютъ лицемѣриемъ, у насъ, умѣющихъ отличить правую руку отъ лѣвой, то что сказалъ бы о стихахъ, о тоскѣ души, о болѣзни сердца, въ слезахъ вырывающійся, — прасоль, незнающій ни въ чемъ толку и ничего не признающій, кромѣ гурта скота и выручки, или содержатель постоялаго двора, незнающій ничего, кромѣ возки и умѣнья обмѣривать и обвѣшивать. Это своего рода общечеловѣческая драма, растеніе въ чужой почвѣ, нѣчто подобное тому, что нарисоваль Некрасовъ въ своемъ, такъ восхитившемъ Бѣлинскаго, стихотвореніи: „Въ дорогѣ“... Искра Божія — въ грязной житейской обстановкѣ, — можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, быть еще что нибудь трагичнѣе?...

Спѣшность и здѣсь прерываетъ мысль. Отъ созерцанія переходимъ къ осмотру надписей на памятникахъ. Памятникъ Никитина весь исчерченъ карандашемъ. Можетъ быть есть тутъ и высокіе мотивы, но мы не успѣемъ все прочитатъ. Читаемъ только вычеканенное.

На памятникѣ выбита слѣдующая надпись надъ рельефнымъ изображеніемъ поэта:

„Никитину. MDCCCLXIII. Почитатели таланта и друзья“.
Нѣсколько ниже: „Иванъ Савичъ Никитинъ род. 21 сент. 1824, скончался 16 окт. 1861 въ Воронежѣ“. По бокамъ памятника золотыми буквами написаны отрывки изъ его стихотвореній.

На сторонѣ, обращенной къ алтарю:

„Вырыта заступомъ яма глубокая,
Жизнь невеселая, жизнь одинокая,
Жизнь безпріютная, жизнь терпѣливая,
Жизнь, какъ осенняя ночь, молчаливая, —
Горько она, моя бѣдная, шла
И, какъ степной огонекъ, замерла“.

На восточной сторонѣ:

„Вотъ она — слышится пѣснь беззаботная, —
Гостья погоста, пѣвунья залетная,
Въ воздухѣ синемъ на волѣ купается;
Звонкая пѣснь серебромъ разсыпается...
Тише!.. О жизни поконченъ вопросъ.
Больше не нужно ни пѣсенъ, ни слезъ!“

На южной:

Какъ узникъ, я рвался на волю,
Упрямо цѣпи разбивалъ.
Я свѣта, воздуха желалъ.
Въ моей тюрьмѣ мнѣ было тѣсно.
Ни силъ, ни жизни молодой
Я не жалѣлъ въ борьбѣ съ судьбой.
Не ради шутки, не отъ скуки
Я какъ умѣлъ, слагалъ мой стихъ,
Я воплощалъ боль сердца въ звуки.

На той же сторонѣ, среди многочисленныхъ, написанныхъ
карандашемъ по бѣлому мрамору, надписей, мы успѣли прочитать:

„Я вновь одна,
И вновь кругомъ
Все та же ночь
И мракъ унылый.
И я въ раздумьи роковомъ
Стою надъ милою могилой.
Чего мнѣ ждать?
Къ чему мнѣ жить?
Къ чему бороться и трудиться?“

Мнѣ больше некого любить,
Мнѣ больше некому молиться“.

Рядомъ — памятникъ Кольцову съ обычной надписью: „Здѣсь покоится прахъ Александра Васильевича Кольцова, скончавшагося 19 октября 1842 г. на 34 году отъ рожденія“ и также — съ выдержками изъ лучшихъ его стихотвореній:

„Моя юность цвѣла
Подъ туманомъ густымъ,
И что ждало меня,
Я не видѣлъ за нимъ“.

На другой сторонѣ:

„Только тѣшилась мной
Злая вѣдьма судьба,
Только силу мою
Сокрушила борьба“.

И на третьей:

„Въ душѣ страсти огонь
Разгорался не разъ,
Но въ безплодной тоскѣ
Онъ сторѣлъ и погасъ“.

Рой мыслей толпится въ головѣ при видѣ этихъ двухъ дорогихъ могилъ. И прежде всего съ необычайною живостию вспоминается семинарская жизнь той далекой отъ насъ поры, когда учились наши отцы и дѣды. Совершенно ясно встаютъ въ воображеніи ихъ завѣтныя стремленія, ихъ думы и идеалы, ихъ непрigлядная, подъ часъ хватающая за сердце, убогая дѣйствительность и суровая обстановка жизни. Какъ живые воскресаютъ въ сознаніи типы, выведенные Никитинымъ въ его знаменитомъ „Дневникѣ семинариста“... Яблочкинъ, Бѣлозерскій. Невольно вслушиваешься въ ихъ рѣчи. „Знаешь ли, другъ мой, — говоритъ одушевляясь Яблочкину Бѣлозерскій: санъ священника — великое дѣло. Эта мысль приходила мнѣ въ голову въ безсонныя ночи, когда, спрятавъ учебныя книги, усталый, я бросался на свою жесткую постель. Вотъ, думалъ я: наконецъ, послѣ долгаго труда, я удостоиваюсь сана священно-служителя. Падаеть-ли какой

нибудь бѣднякъ, убитый нуждою, я поддерживаю его силы словомъ евангельской истины. Унываетъ-ли несчастный, безчестно оскорбленный и задавленный, — я указываю ему на безконечное терпѣніе Божественнаго Страдальца. Который, прибитый гвоздями на крестѣ, прощалъ своимъ врагамъ. Вырываетъ-ли ранняя смерть любимаго человѣка изъ объятій друга, я говорю послѣднему, что есть другая жизнь, что другъ его теперь болѣе счастливъ, покинувъ землю, гдѣ царствуетъ зло и льются слезы... И послѣ этого, быть можетъ, я приобретаю любовь и уваженіе окружающихъ меня мужичковъ. Устраиваю въ своемъ домѣ школу для дѣтей ихъ обою пола, учу ихъ грамотѣ, читаю и объясняю имъ святое евангеліе. Эти дѣти становятся взрослыми людьми, разумными отцами и добрыми матерями... И я, покрытый сѣдинами, съ чистою совѣстью ложусь на кладбищѣ, куда, какъ духовный отецъ, проводилъ уже не одного человѣка, напутствуя каждого изъ нихъ живымъ словомъ утѣшенія“... *) А вотъ и еще нѣсколько мыслей. Тотъ же семинаристъ жалѣетъ о своемъ товарищѣ: „...Яблочкинъ лежитъ въ больницѣ. Докторъ сказалъ, что жить ему остается недолго. Кажется, немного сказано, но... нѣтъ, я не могу продолжать! Наконецъ и моя крѣпкая натура не выдержала. Кровью облилось мое бѣдное сердце и сижу я, поникнувъ головой, и плачу, какъ ребенокъ. Жить ему остается недолго. Дитя, начавшее лепетать, дитя, страстно привязанное къ своей матери и брошенное ею въ темномъ лѣсу, не можетъ такъ плакать, какъ я теперь плачу“. **) И наконецъ, этотъ самый товарищъ въ своей предсмертной исповѣди: «Умираю, Вася... все кончено... Коротка была моя жизнь, и эта бѣдная жизнь обрывается въ самую лучшую пору, какъ недопѣтая пѣсня на самомъ задушевномъ стихѣ... Грустно мнѣ, мой милый! Слышишь, какъ шумитъ вѣтеръ? Это онъ поетъ мнѣ похоронную пѣсню“... ***)

Много лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ. Теперь не различишь уже фантазію поэта отъ дѣйствительности. Но кто знаетъ, быть можетъ, и въ самомъ дѣлѣ все это картинки съ природы, быть мо-

*) *Никитинъ*. Дневникъ семинариста, стр. 230.

**) *Ibid.* стр. 240.

***) *Ibid.* стр. 242—243.

все это это товарищи и знакомые поэта—семинариста. Слишком ужъ живо они нарисованы... да даже, пожалуй, и не нарисованы, а вновь вызваны авторомъ къ жизни. Если бы вмѣстѣ съ нами были наши отцы и дѣды и ихъ современники, то они, пожалуй, сказали бы, что поэтъ и не рисоваль ихъ, а только отдернулъ завѣсу, которая скрывала отдѣленныхъ отъ насъ пятидесятилѣтнимъ пространствомъ людей, и потомъ, когда мы ихъ увидѣли, опять опустилъ свою таинственную занавѣсь. Не перестаемъ удивляться силѣ таланта и вмѣстѣ съ тѣмъ невольно спрашиваемъ себя: куда дѣвались нынѣ такія чистыя души?...

Время бѣжить, и намъ давно уже пора быть на вокзалѣ. Идемъ съ возможной скоростію чрезъ грязь и лужи до станціи конки, а потомъ ѣдемъ... очень, намъ кажется, тихо, и безпрестанно жалѣемъ, что не можемъ погонять конку своимъ нетерпѣніемъ. Мало по малу, впрочемъ, оказывается, что наша тревога по меньшей мѣрѣ преждевременна: сначала мы обгоняемъ товарищей, идущихъ къ вокзалу медленной поступью (торопиться, значить, не зачѣмъ), потомъ, когда приходимъ на вокзалъ, получаемъ извѣщеніе, что поѣздъ выходитъ ровно на часъ позднѣе, чѣмъ мы предполагали. Опять началось безцѣльное „слонянье“ изъ угла въ уголь по платформѣ, „покупка оптомъ и въ розницу“ видовъ Воронежа и отсылка открытыхъ писемъ „съ видами“ всѣмъ роднымъ и знакомымъ. Кое-какъ скоротали этотъ скучный часъ и приготовились ѣхать дальше. Время уже было къ вечеру. Предупредительный начальникъ станціи на этотъ разъ устроилъ нашу компанію какъ нельзя лучше: вытребовалъ по телефону „для учащихся“ отдѣльный вагонъ, свѣтлый, почти новенькій и очень просторный. На этотъ разъ намъ пришлось ѣхать вмѣстѣ съ католиками, которые занимали вторую половину вагона. Наши не разъ во время дороги заходили въ ихъ помѣщенія, оказывали имъ какія то любезности и пытались разговориться, но всегда и у всѣхъ встрѣчали холодный, лаконическій отвѣтъ на свои вопросы и явное нежеланіе поддерживать знакомство. Враждебное настроеніе это сохранилось, не смотря на наши усилія, до послѣдней узловой станціи, гдѣ они перешли въ другой поѣздъ... Стран-

но, право... Тѣ и другіе совершенно зеленые юноши, еще не помятые жизнью, еще не успѣвшіе нажать себѣ враговъ, а уже давно враги, враги изъ принципа, изъ-за старинныхъ преданій. Тѣ и другіе — послѣдователи *одного Христа*, одинаково милостиваго и къ праведнымъ и къ грѣшнымъ, и однакожь не могутъ простить другъ другу своихъ убѣжденій, — и больше католики, чѣмъ наши. По русскому добродушію, наши готовы брататься со всѣми и вездѣ находятъ себѣ пріятелей, а тамъ, очевидно, не такъ...

Въ половинѣ шестого выѣхали изъ Воронежа. Опять началась таже равнина, степь безконечная какъ море. Съ площадки прекрасно устроеннаго послѣдняго вагона открывается необозримый горизонтъ. Лучше нашего наблюдательнаго пункта трудно себѣ что-нибудь представить: стекла съ трехъ сторонъ, — совершенный фонарь. Надъ Воронежемъ тучи повисли, а по направленію къ Киеву свѣтитъ заходящее солнышко. Вдали кое гдѣ виднѣется лѣсъ, ближе, на всемъ пространствѣ, хлѣбныя поля; ремонтные рабочіе по обѣимъ сторонамъ дороги. Проѣхали Донъ, совсѣмъ маленькій, близкій къ истоку. Правый берегъ, какъ и у всѣхъ русскихъ рѣкъ, высокій, лѣвый — луговой. Село раскинулось по-подгорью рѣки, нѣсколько „челноковъ“ около желѣзнодорожнаго моста, цвѣты по обѣимъ сторонамъ дороги, яркіе, какъ солнышко. Поѣздъ ѣдетъ съ чрезвычайной легкостью, будто едва—едва только касается земли. Далѣе—виды разнообразнѣе: мѣстами попадаются пригорки и перелѣски, — очевидно вступаемъ въ предѣлы благодатной Малороссіи. Миновавъ одинъ—два полустанка, занялись чаемъ, разбавляя его самыми прозаическими воспоминаніями: передавали другъ-другу мелкія событія, „слухи“, сплетни. Среди неинтереснаго разговора кто-то выглянулъ въ окно и почти закричалъ: „Воронежъ-то! Воронежъ-то!“! Всѣ бросились къ окнамъ и на площадку вагона, а кто близорукъ, къ очкамъ или биноклю. Предъ глазами открывалось чудное зрѣлище. Подъ горою, вблизи лѣса, хуторъ съ бѣлыми домиками, а вдали, на горѣ, городъ во всей красѣ своей. Пять церквей выдѣлились среди голубой дали и блестятъ между облаками отъ ясныхъ лучей заходящаго солныш-

ка. Издали кажется, будто церкви и большая колокольня повисли въ облакахъ или будто это рѣдкій по своей прелести воздушный рисунокъ, свѣтовая картина. Главы церквей будто освѣщены электрическимъ свѣтомъ; выше ихъ вздымаются облака, похожія на горы въ вечернемъ освѣщеніи. Чудная игра цвѣтовъ и фигуръ на десятиверстномъ разстояніи!... Ужь и въ самомъ дѣлѣ, не есть ли это „невидимый городъ“, выросшій изъ земли вдали отъ Волги? Не различишь фантазію отъ дѣйствительности.

Позднимъ вечеромъ проѣзжаемъ мимо хлѣбнаго поля на цѣлые десятки верстъ. Рожь волнуется переливами; цѣлыми кустами пестрѣютъ цвѣты по окраинамъ дороги; на берегу рѣчки кудрявый орѣшникъ; на горѣ деревенька съ бѣлыми мазанками, красиво выдѣляющимися среди зелени. Сельская эстетика здѣсь во всей силѣ: крестьянскія дѣвушки, продающія ягоды, украшены цвѣтами... Руководители ведутъ ожесточенный споръ „по конфессіональнымъ вопросамъ“.

Ночь темная. Ровная степь, хорошо видная изъ послѣдняго вагона. Трое нашихъ собрались помечтать на площадкѣ, — задумчиво смотреть вдаль. Одинъ протянулъ руку къ красному фонарю; рука стала вся красная... любуется. Въ вагонѣ сонное царство: спятъ „въ три этажа:“ одни „пониже,“ другіе „повыше,“ третьи еще повыше. Мирный сонъ нарушается постоянными приставаніями контролеровъ, которыхъ здѣсь почему-то такъ много, какъ нигдѣ.

Въ Курскѣ имѣли намѣреніе соловьевъ слушать, но поѣздъ проходилъ глубокой ночью и соловьи въ это время спали...

16 іюня.

Ты знаешь край, гдѣ все обильемъ дышетъ,

Гдѣ рѣки льются чище серебра,

Гдѣ вѣтерокъ степной ковыль колышетъ,

Въ вишневыхъ рощахъ тонуть хутора...

И такъ, мы въ предѣлахъ Малороссіи, той благословенной, излюбленной еще съ дѣтства Малороссіи, о которой такъ часто мечтали и которую всегда рисовали себѣ не иначе, какъ окру-

женною поэтической дымкой. Страна обилія, приволья, нѣги... какъ уютно, какъ хорошо здѣсь утомленному путнику. Каждый хуторъ, рѣчка, перелѣсокъ манить васъ подъ свою тѣнь и прохладу и намъ невольно хочется остановить поѣздъ, чтобы провести здѣсь еще нѣсколько лишнихъ минутъ и часовъ.

Будто по уговору собираемся всѣ около оконъ вагона и глазъ не можемъ оторвать отъ открывающихся вдали ландшафтовъ. Лѣсъ, хуторъ, пасѣка окруженная деревьями, бѣлыя малороссійскія хаты и хозяйственныя службы. Стадо гусей въ открытой степи. Дальше—село. Убогія вѣтреныя мельницы, вросшіе въ землю дома, мужики на вспольѣ стоятъ толпою и о чемъ то оживленно спорятъ. Вдали, по опушкѣ лѣса, синѣетъ рѣчка. Божій храмъ живописно пріютился между тополями. Толпа дѣтей съ любопытствомъ провожаетъ поѣздъ... Еще нѣсколько станцій и пересадка на Харьковъ и Севастополь. Большинство нашихъ спутниковъ—католиковъ оставляютъ поѣздъ и у насъ въ вагонѣ становится еще просторнѣе. Изъ окна показывается еще картинка. На самомъ краю дороги, среди зелени вязовъ и пирамидальныхъ тополей, совершенно неожиданно открывается и при быстромъ ходѣ поѣзда сразу же пропадаетъ красная церковка съ бѣлыми мазанками по сторонамъ. Всѣ—въ восхищеніи. Кто то крикнулъ: „вотъ бы снять-то!“ но пока онъ это говорилъ, и церковь и мазанки остались далеко позади, и предъ глазами опять ровная, безбрежная степь, изрѣдка разнообразящаяся зелеными травами, смѣняющими бурую рожь... Станціи здѣсь уже совершенно другія, чѣмъ въ нашемъ краю или подъ Саратовомъ. Это—цѣлыя усадьбы, окруженныя рядами пирамидальныхъ тополей и массою зелени. Самыя зданія, впрочемъ, не такъ красивы: сѣрыя какія то, изъ одной глины. На рельсахъ тамъ и здѣсь маневрирующіе поѣзда; издали кажется, будто они мирно разгуливаютъ на бульварѣ, съ обѣихъ сторонъ украшенномъ роскошными аллеями. На станціяхъ продаютъ букеты розъ и ягоды...

Сейчасъ Путивль, историческое мѣсто, упоминаемое въ „словѣ о полку Игоря.“ Поѣздъ стоитъ двѣ минуты. Ухитряемся въ это короткое время достать изъ чемодана „видъ,“ написать письмо и

отнести его въ почтовый ящикъ, — быстрота, которой, навѣрно, позавидовали бы даже на мѣстѣ военныхъ дѣйствій въ Китаѣ. Городъ далеко въ сторонѣ отъ дороги, но въ бинокль его хорошо видно. Десятокъ церквей красиво выдѣляется среди зелени на горномъ возвышеніи, окаймляемомъ съ восточной стороны рѣчкой. Надъ рѣкою какой-то обрывъ, быть можетъ кремль стариннаго города. Интересно бы знать, сохранилась-ли та стѣна, около которой плакала Ярославна?..

За Путивлемъ мѣстность еще оживленнѣе. То и дѣло попадаются на встрѣчу хутора и села и открываются взору новыя картинки, живо напоминающія старосвѣтскихъ помѣщиковъ... Вправо отъ дороги среди зелени тополей и липъ, — высокій, бѣлый „журавль“ колодца, красная крыша и бѣлая стѣна домика, очевидно помѣщичья усадьба. Въ сторонѣ отъ дороги мальчикъ стоитъ обнявшись съ теленкомъ и оба внимательно смотрятъ на поѣздъ, очевидно большіе пріатели... Всѣ благодушествуемъ. Двое молодыхъ людей достали гдѣ то зеркало и приводятъ въ порядокъ свои фізіономіи; остальные внимательно смотрятъ на нихъ и изощряютъ остроуміе. Ректоръ въ сторонѣ, держитъ книгу и въ полголоса поетъ: „Къ Тебѣ утреннюю.“ Въ окнѣ златоглавая церковь горитъ на солнышкѣ своими пятью главами среди зелени акацій и бѣлыхъ, какъ снѣгъ, домовъ. И яркій свѣтъ солнышка, и придорожныя села, и даже на станціи, вотъ эта пчела, которая сейчасъ, совершенно непрошенная, залетѣла къ намъ въ гости, — настраиваетъ всѣхъ насъ идиллически и болѣе, чѣмъ когда нибудь, заставляетъ понимать нѣжную заботливость знаменитой гоголевской помѣщицы... „Вы бы покушали, Аѳанасій Ивановичъ“ ... Едва-ли и мы въ этотъ разъ были на что либо способны, кромѣ безмолвнаго созерцанія природы, да еще завтраковъ, обѣдовъ и ужиновъ, — хотя и не такихъ, какіе были и бывають у старосвѣтскихъ помѣщиковъ, — и только лишь наиболѣе религіозно настроенные изъ насъ могли читать „слово,“ котораго начало „все вы во благодушій“.

Наслажденіе окрестностями прерываетъ кондукторъ прозаическимъ приказаніемъ: „Ваши билеты, господа!“ ...

Полдень. Въ вагонѣ такая же грязь, какъ вчера и третьяго дня, хотя и сюда переносится отчасти идиллическая обстановка малорусской жизни: въ комнатѣ кондуктора лежитъ букетъ розъ. . рядомъ съ грязнымъ жестянымъ фонаремъ и желѣзно-дорожной справочной книгой. Жарче становится; въ окна вагона и особенно на площадку, которая доселѣ служила намъ обсерваторіей, проникаетъ пыль со всѣхъ сторонъ, такъ что просидѣвшій тамъ часъ возвращался въ вагонъ будто съ мельницы. За Коноптомъ уже сѣнокосъ во всемъ разгарѣ. Масса народу на лугахъ: мужики, бабы, дѣвицы въ разныхъ костюмахъ ворочаютъ сѣно. Букетъ сухихъ травъ и цвѣтовъ отовсюду врывается въ окна. Благодушное настроеніе смѣняется усталостью. Одинъ только гимназистъ у насъ не теряетъ своей живости и бодрости: по прежнему восторгается окрестностями и служитъ для насъ хронометромъ и справочной книгой по части названія станцій и времени стоянки. Проѣхали Бахмачъ и Нѣжинъ. Приближаемся къ Кіеву. По сторонамъ дороги изрѣдка попадаются толпы паломниковъ; наше настроеніе и „образъ мыслей“ измѣняется въ виду близкой святыни, — ожесточенно споримъ съ духовникомъ о значеніи поста. Дорога идетъ перелѣсками. Здѣсь еще открытѣе малорусская жизнь. Идетъ хохлушка — молодица и старуха, мирно бесѣдуютъ о чемъ-то. Молодица несетъ за плечами малаго ребенка, придерживая его за ноги; руками малютка держится за плечи матери, поминутно оглядываясь на далеко уходящій поѣздъ. Вблизи дороги ремонтные рабочіе кашу варятъ. Какой то путникъ среди поля улегся подъ деревомъ и спитъ, слегка лишь поднимая голову — посмотрѣть равнодушными очами на встрѣчный локомотивъ. Еще далѣе — группа паломниковъ отдыхаетъ на солнышкѣ. Предъ окнами желѣзнодорожной будки, подъ тѣнью, разостланъ коверъ, на немъ чашка съ какимъ-то супомъ или щами. Маленькій, трехлѣтній мальчуганъ сидитъ и ѣсть ложкой; вблизи сидитъ мать и смотритъ на своего любимца. Вдали, на горизонтѣ, тянется большая дорога, усаженная вербами.

Вечеръ. Поѣздъ приближается къ Кіеву, — всего пятьдесятъ верстъ осталось. Чѣмъ ближе къ Днѣпру, тѣмъ величественнѣе,

милѣе становится природа. Больше, чѣмъ когда нибудь, соглашаешься со словами поэта, который говорилъ, что здѣсь „все обильно дышетъ.“ На станціяхъ оживленіе. Лѣнныя, апатичныя паробки и бойкія дѣвчата продаютъ землянику, награждая васъ за копѣйку цѣлыми пригоршнями. Очевидно, онѣ совсѣмъ незнакомы съ „настоящими“ цѣнами. Хохлушкѣ удалось обсчитать на копѣйку одного изъ нашихъ, такъ въ это время у ней на лицѣ была написана такая радость, будто она двѣсти тысячъ выиграла. Потерпѣвшій невольно залюбовался на эту дѣтскую наивность. Мы проѣхали вдоль всю Россію, а не видали еще нигдѣ такого уголка, гдѣ люди и въ старости остаются такими же дѣтьми, какъ въ юные годы. Блаженная страна, счастливые люди!

Версть тридцать не доѣзжая до города, „вѣстовщикъ“ доложилъ: „Отецъ Ректоръ! Кіевъ видать.“ Электрическая искра пробѣжала по нервамъ нашихъ путниковъ; всѣ бросились къ окну и съ наслажденіемъ, съ неописуемымъ религіознымъ восторгомъ смотрѣли, какъ высоко на горѣ, почти подъ облаками блестялъ на солнышкѣ крестъ Лаврской колокольни. Это былъ самый торжественный, самый счастливый моментъ во всю нашу поѣздку: Соловки и Москву мы не встрѣчали съ такимъ трогательнымъ одушевленіемъ, съ такимъ неподдѣльнымъ религіознымъ чувствомъ. Въ этотъ моментъ мы болѣе, чѣмъ когда нибудь, поняли пророка, который снялъ сандалии свои, потому что свято было мѣсто, на которомъ онъ стоялъ. И намъ въ этотъ чудный, неповторяющійся въ жизни моментъ, хотѣлось снять съ себя всѣ украшенія, сойти съ этого поѣзда, присоединиться къ толпѣ простыхъ паломниковъ и „во вретницѣ и пеплѣ“ идти къ святому городу. Не уловишь той вереницы мыслей, которая толпилась въ сознаніи въ этотъ счастливый моментъ, не нарисуеть со всѣми оттѣнками того сильнаго чувства, которое волновало душу, которое поднимало съ глубины ея, изъ давно забытыхъ тайниковъ, лучшія чувства, святыя настроенія. „Сердце забилось,“ — замѣтилъ „дядя В.“ восторженными глазами смотря вдаль, по направленію къ Кіеву. А у дяди нервы крѣпкіе да и ростомъ онъ богатырь. Не ему бы кажется нервничать. Объ остальныхъ и говорить не оставалось.

Поѣздъ мчится съ головокружительной быстротою. Ближе и ближе величественная панорама родины русской церкви и русскаго народа. Какъ красивы эти Божьи храмы, высящіеся надъ окаймленнымъ лѣсомъ хлѣбнымъ полемъ, и какъ хороша ты родная Русь, какъ привѣтлива всюду, гдѣ надъ колосающейся рожью блестятъ золотыя главы твоихъ многочисленныхъ храмовъ... Надъ лаврой прозрачная голубая дымка, освѣщенная косыми лучами вечерняго солнышка. Воздухъ непрозрачный: днѣпровскія воды насыщаютъ влагою окружающую атмосферу... Еще ближе... По сторонамъ дороги сосновый лѣсъ. По направленію къ Кіеву, вдали песчаные курганы. Спускаемся въ долину. Осталось верстъ пятнадцать. Дорога по сторонамъ усеяна листьями папоротника.

На ближайшемъ разъѣздѣ нашъ поѣздъ осаждаеть толпа студентовъ—техниковъ, возвращающихся съ экскурсіи. У большинства въ рукахъ портфели съ травами, цѣлый гербарій, у другихъ какія-то орудія, третьи—просто съ папиросами и удивительно беззаботнымъ выраженіемъ лицъ. Одинъ изъ нашихъ спутниковъ, удивленный незнакомою формой, заботливо освѣдомляется: — „Кто“?... Ему кто-то отвѣчаетъ лаконически: „Лѣшіе, изъ Лѣснаго“... Человѣкъ пять лѣсниковъ помѣстились въ нашемъ вагонѣ, не безъ предварительныхъ, впрочемъ, пререканій изъ за свободныхъ мѣстъ.

Еще моментъ, и поѣздъ двинулся дальше среди стариннаго столѣтняго бора. Нѣсколько минутъ—и Кіевъ во всей красѣ. Прямо, во всю длину города, высокій зеленый берегъ; изъ зелени по откосу привѣтливо выступаютъ золотыя главы Выдубецкаго монастыря и Лавры, направо, на горѣ, въ самомъ центрѣ сіяетъ Св. Софія. Глазъ не успѣваетъ схватить и запомнить въ надлежащей полнотѣ и подробностяхъ этотъ ландшафтъ. Невольно чувствуешь что-то чарующее, хватающее за сердце во всей этой красотѣ и великолѣпіи... Много прошло лѣтъ и немало вѣковъ, прежде чѣмъ выросъ на мѣстѣ этихъ горъ красавецъ—городъ. Въ старину, когда-то, въ старину, которой никто не запомнить, здѣсь была усыпальница скиѣскихъ царей. На пятнадцать столѣтій позже здѣсь поклонялись Церуну. Тысячу лѣтъ тому назадъ

здѣсь впервые возсіялъ свѣтъ христіанства; здѣсь построены первыя русскія церкви; здѣсь княжили первые русскіе князья; здѣсь постились и молились первые русскіе подвижники... Сколько бѣдъ и горя пронеслось надъ этой колыбелью русскаго народа. Но и сколько радостныхъ, счастливыхъ дней она видѣла на своемъ долгомъ вѣку... Встань, русскій человѣкъ, сними и ты сандалии свои, потому что свято мѣсто, на которомъ ты стоишь, осѣни лице твое крестнымъ знаменіемъ и въ чувствѣ глубокаго благоговѣнія издали еще земно поклонись этой святынь!..

Видъ Днѣпра прерываетъ размышленія. „Широкій и глубокій“ въ нижнемъ теченіи, онъ здѣсь перерѣзанъ песчанымъ островомъ, который мѣшаетъ цѣлостности картины. Выѣзжаемъ на мостъ съ надписью: „480 сажень“. Надпись помѣщена на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на Волжскомъ мосту водружена часовня съ неугасимой лампадой. Вправо — весь Кіевъ; Аскольдова могила въ полгорѣ, на высококомъ берегу бѣлоснѣжный памятникъ тысячелѣтія крещенія Руси, Николаевскій мостъ, масса зелени по откосу, и надъ всей этой картиной, на самомъ высококомъ мѣстѣ царственно красуется лавра съ блестящими главами своихъ многочисленныхъ храмовъ. Ниже, по-подгорью, церкви „ближнихъ и дальнихъ пещеръ“. Трудно придумать что нибудь красивѣе этого вида, созданнаго вѣковыми усиліями. Могло бы еще получиться нѣчто подобное, если бы которую нибудь Лавру можно было перенести и поставить на верху нашихъ родныхъ, Жигулевскихъ горъ, не уничтожая зелени и оставивъ берегъ во всей первобытной красѣ. И все таки не получилось бы той силы впечатлѣнія: здѣсь ландшафты мягче, нѣжнѣе, и Днѣпръ не выглядываетъ такимъ угрюмымъ, какъ у насъ Волга подъ горами.

Проѣхали мостъ. Поѣздъ дѣлаетъ закругленіе на пути къ вокзалу. Надъ полотномъ желѣзной дороги виситъ большая гора, покрытая вѣковыми липами и по мѣстамъ среди зелени выглядываютъ бѣлые домики. Это послѣдній ландшафтъ, который можетъ остановить нашъ взоръ. Далѣе — въ безпорядкѣ разбросанныя, грязныя жидовскія хаты, какіе-то жалкіе желтые заводы и фабрики, рѣчка — ручеекъ Лыбедь, когда-то знаменитая, теперь почти

переставшая течь и страшно загрязненная и затѣмь—безконечныя постройки Кіевскаго вокзала, загроможденнаго разными товарами. Поѣздъ даетъ послѣдній свистокъ и останавливается у платформы. Пріѣхали!...

(Продолженіе будетъ).

СООБЩЕНІЕ О НОВЫХЪ КНИГАХЪ.

Сборникъ методическихъ разъясненій по предметамъ, преподаваемымъ въ школахъ церковно-приходскихъ и грамоты. 262 стран. С.-ПБ. 1900. Цѣна 55 к.

Наши педагогическія бібліотеки при церк.-прих. школахъ не могутъ еще похвалиться богатствомъ книгъ; много есть школъ, гдѣ книжный шкафъ имѣетъ какія нибудь 5—6 дидактическихъ пособій. Эта бѣдность особенно ощутительна для учащихъ лицъ, которыя не имѣютъ почти руководственной литературы подъ руками, не имѣютъ возможности уяснить возникшій недоуменный школьный вопросъ. Присутствіе педагогической бібліотеки и пособій во во многомъ поможетъ всякому законоучителю, учителю и учительницѣ, — особенно заброшеннымъ въ глушь деревенскаго одиночества, — уяснить имъ встрѣтившіяся въ практикѣ затрудненія, а попутно возбудитъ мысль къ разработкѣ и уясненію другихъ дидактическихъ вопросовъ; въ этомъ послѣднемъ отношеніи педагогическая книга особенно важна: она подогрѣетъ учебное дѣло, возбудитъ, возвыситъ его, а учителю наполнитъ все время разумнымъ возвышающимъ содержаніемъ; педагогическая книга — истинная отрада въ сельской школѣ, наилучшій другъ, искренній собесѣдникъ и законоучителя, и учителя, и учительницы и всякаго, кто пожелаетъ поближе познакомиться со школьнымъ дѣломъ во всемъ его объемѣ. Весьма грустно отсутствіе у насъ въ нашихъ сельскихъ школахъ педагогическихъ пособій. Сознана эта школьная нужда редакціей „Церковно-Приходской Школы“, всегда близко стоящей къ интересамъ школьно-педагогическаго дѣла: недавно ею изданъ „Сборникъ методическихъ разъясненій по пред-

метамъ, преподаваемымъ въ школахъ церковно-приходскихъ и грамоты“. „Сборникъ“ составленъ изъ различныхъ статей, напечатанныхъ въ названномъ журналѣ въ теченіе 12-лѣтняго періода его изданія. На сколько разнообразны и содержательны статьи „Сборника“, можно судить по бѣглому обозрѣнію книги. Изъ методики *Закона Божія* уяснены слѣдующіе вопросы: 1) Какія по преимуществу цѣли должны имѣть въ виду обучающіе въ церковно-приходскихъ школахъ? 2) О занятіяхъ законоучителя въ трехъ-группномъ составѣ школы. 3) Какъ пользоваться церковнымъ пѣніемъ на урокахъ Закона Божія? *По церковному пѣнію*: 1) Обученіе церковному пѣнію въ цер.-прих. школахъ. 2) Методическія замѣтки къ программѣ по церковному пѣнію. 3) Организация церковныхъ хоровъ при сельскихъ храмахъ. *По церковно-славянскому языку*: 1) О церк.-славянскомъ чтеніи въ школахъ. 2) Постановка церк.-слав. чтенія въ школахъ. 3) Преподаваніе въ школахъ ц.-слав. языка. *По русскому языку*: Какъ удобнѣе начинать обученіе грамотѣ: съ церковно-славянскаго чтенія, или русскаго? 2) Обученіе русской грамотѣ. 3) Постановка объяснительнаго чтенія въ школахъ. 4) Заучиваніе стихотвореній при обученіи русскому языку. 5) О письменныхъ упражненіяхъ при обученіи русскому языку. *По ариѳметикѣ*: 1) О методѣ преподаванія ариѳметики въ начальной школѣ. 2) Обученіе въ школахъ счетоводству на торговыхъ счетахъ. *По чистописанію*: 1) О поднятій успѣховъ по каллиграфіи въ начальной школѣ. 2) Способъ обученія полу-уставному письму. *По общимъ школьнымъ вопросамъ*: 1) О самостоятельныхъ работахъ учениковъ въ школахъ. 2) О средствахъ къ возбужденію и поддержанію вниманія учениковъ въ классѣ. 3) Школьная дисциплина и ея средства: примѣръ, привычка, ученіе, награда, наказаніе. 4) О внѣклассномъ чтеніи учениковъ начальной школы. 5) Какъ развить у учениковъ охоту къ чтенію книгъ? 6) Вентиляція классныхъ помѣщеній. 7) Нѣсколько замѣтокъ изъ школьной гигиены.

Уже изъ этого обзора видно, на сколько содержательна и полезна книга; здѣсь нашли себѣ разрѣшеніе и освѣщеніе многіе важнѣйшіе вопросы учебно-воспитательнаго дѣла начальной народ-

ной школы. Всѣ вопросы уяснены и рѣшены въ полномъ согласіи съ правилами и программами церковныхъ школъ и съ объяснительными записками къ программамъ предметовъ, преподаваемымъ въ церковныхъ школахъ и по соображеніи съ учебниками и пособіями, принятыми въ сихъ школахъ. Всѣ статьи носятъ практической характеръ, чѣмъ вообще всегда отличается „Церк.-прих. школа. Изложеніе статей—популярное. Изданіе со-внѣ безукоризненно чистенькое. Цѣна книги, имѣющей 262 стр., назначена очень доступная - 55 коп. съ пересылкой, а при выпискѣ 100 экземпляровъ и болѣе — 50 коп. „Сборникъ находится въ книжномъ складѣ Училищнаго Совѣта при Св. Синодѣ; но чтобы не затруднять складъ высылкою отдѣльныхъ книжекъ, можно заявленія о желаніи приобрѣсти книгу адресовать съ приложеніемъ слѣдуемой суммы, къ о.о. Наблюдателямъ, которые выпишутъ его массою по числу поступившихъ заявленій.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ

по исторіи и обличенію русскаго раскола и сектантства, напечатанныхъ въ Самарскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ съ 1867 г. по 1899-й годъ, за тридцать два года.

(Продолженіе).

1871.

28) № 1. Единовѣрческому духовенству Самарской епархіи. Пр. Д. Орлова, стр. 1.

29) № 3, 10. Изъ миссіонерской дѣятельности священника села Несмѣяновки, Бузулукскаго уѣзда. Св. П. Свѣтлова, стр. 49, и 212.

30) № 4. Къ слову о Самарской миссіи и миссіонерахъ. Св. І. Тресвятскаго, стр. 86.

31) № 5. Открытіе въ г. Самарѣ публичныхъ собесѣдованій съ послѣдователями разныхъ толковъ или согласія. Пр. Д. Орлова, стр. 104.

32) № 7. Второе собраніе въ г. Самарѣ для публичныхъ собесѣдованій съ послѣдователями разныхъ толковъ или согласія. Его-же, стр. 145.

33) № 11, 14. Третье собраніе въ г. Самарѣ для публичныхъ собесѣдованій съ послѣдователями разныхъ толковъ или согласія. Его-же, стр. 229 и 273.

34) № 16 и 17. Изъ публичныхъ собесѣдованій съ молочанами въ с. Барсуковѣ, Николаевскаго уѣзда. Св. Іоанна Трехсвятскаго, стр. 337, 348.

35) №№ 21 и 23. 1871 г. 1, 8, 13, 15. Четвертое собраніе въ г. Самарѣ для публичныхъ собесѣдованій съ послѣдователями разныхъ толковъ. Пр. Д. Орлова, стр. 438 и 473.

36) № 24. О состояніи миссіи въ предѣлахъ Самарской епархіи за 1871 г. Пр. Д. Орлова, стр. 489.

1872.

37) № 1. Состояніе Иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастырей при настоятелѣ Прохорѣ. Пр. Д. Орлова, стр. 5.

38) № 2. О молочанствѣ. Пр. Д. Орлова, стр. 31.

39) №№ 3, 5, 7, 12 и 17. О дѣятельности миссіонера матроса Русанова въ с. Никольскомъ, что на Черемшанѣ, Ставропольскаго уѣзда. Свящ. Иларіона Топорина, стр. 65, 78, 145, 267, 388.

40) № 4. Письмо инока Варнавы къ безпоповскому наставнику о томъ, какъ греки и прочіе восточные христіане смотрятъ на русскихъ глаголемыхъ старообрядцевъ. Инока Варнавы, стр. 88.

41) №№ 5 и 6. Продолженіе публичныхъ съ молочанами и поморцами собесѣдованій, открытыхъ въ г. Новоузенскѣ въ 1870 году. Прот. Петра Унгвицкаго, стр. 97, 132.

42) № 6. О соборѣ, бывшемъ на Иргизѣ въ 1805 году и его уложеніе для монастырей Иргизскихъ. Прот. Орлова, стр. 121.

43) №№ 14, 17 и 19. Внутренняя и виѣшняя жизнь въ Иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастыряхъ до обращенія ихъ въ единовѣріе, стр. 299, 371, 419. Его-же.

44) №№ 20, 22 и 23. О дѣятельности миссіонера монаха

Арсенія въ селѣ Романовкѣ, Николаевского уѣзда, въ 1872 г. Свящ. А. Люцернова, стр. 345, 505 и 524.

45) №№ 22 и 24. О церкви, основанной на землѣ Господомъ нашимъ Иисусомъ Христомъ. Прот. Д. Орлова, стр. 491 и 531. (Прод. 1873 г. № 6).

46) № 24. Число раскольниковъ въ Россіи, стр. 538.

1873.

47) №№ 1 и 2. О состояніи миссіи въ предѣлахъ Самарской епархіи за 1872 г. Прот. Д. Орлова, стр. 1 и 22.

48) №№ 2, 7, 14, 19 и 24. Сопоставленія ученія молоканъ о таинствѣ мвропомазанія съ ученіемъ церкви апостольской. Его же. Стр. 31, 151, 257, 361 и 471.

49) №№ 4, 9, 16 и 21. Послѣдніе годы Иргизскихъ мнимо-старообрядческихъ монастырей. Его же, стр. 82, 177, 289 и 409. (Продолженіе въ 1874 г. № 17 и 1875 г. № 5).

50) №№ 11, 13 и 21. О дѣятельности миссіонеровъ монаха Арсенія и матроса Русанова въ с. Новомъ Мелекесѣ. Свящ. Алексія Люстрицкаго, стр. 218, 250 и 417. (Продолж. 1874 г. № 13).

51) 20 и 21. Обращеніе изъ молоканства въ православную церковь Христову. Прот. Д. Орлова, стр. 399 и 427.

1874.

52) № 1. Бѣлокриница съ устройствомъ въ ней іерархіи и сопоставленіе послѣдней съ канонами церкви апостольской. Прот. Д. Орлова, стр. 1. (Прод. 1875 г. №№ 3, 12, 17, 21, 1876 г. № 3 и 1877 № 1).

53) №№ 4, 5, 8, 15. О состояніи миссіи въ предѣлахъ Самарской епархіи за 1873 г. Его-же, стр. 73, 97, 169 и 313.

54) № 5. Публичныя собесѣдованія въ городѣ Новоузенскѣ. стр. 103.

55) № 14. Изъ села Никольскаго, что на рѣкѣ Черемшанѣ, Ставропольскаго уѣзда. Свящ. И. Топорнина, стр. 34.

56) № 18. Бесѣда съ старообрядцами въ Самарѣ. Василія Воронина, стр. 397.

57) № 18. Свѣдѣнія о числѣ раскольниковъ въ Самарской епархіи за 1873 г., стр. 404.

1875.

58) № 4. Старообрядческіе архіереи, стр. 92.

59) №№ 8, 11, 13, 16 и 20. О состояніи миссіи въ предѣлахъ Самарской епархіи за 1874 г. Прот. Д. Орлова, стр. 179, 249, 289, 345, 429. (Продолж. 1876 г. № 5).

60) № 15. О монтанской сектѣ въ пригородѣ Ерыклинскѣ. Свящ. Л. Вратскаго, стр. 329.

61) № 18. О монтанизмѣ въ древнія времена христіанской церкви. Пр. Орлова, стр. 390.

(Продолженіе будетъ).

О В Ъ Я В Л Е Н І Я .

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

„Бр. В. и И. РЫСИНЫ“

Отдѣленіе Церковной Утвари

Въ Царицынѣ Н./В. Телефонъ № 74.

Облаченія для Священно-Церковно-Служителей

легкія лѣтнія отъ 11 р. до 100 р.

изъ парчи, газета, бархата „ 14 р. до 1000 р.

ОТЛИЧНЫЙ ПОКРОЙ и ОТДѢЛКА

Прейсъ-Курантъ церковной утвари высылается по требованію.

Торговый Домъ «Бр. В. и И. Рысины».

СТРАХОВАНИЕ ПОЖИЗНЕННЫХЪ ДОХОДОВЪ.

Лицамъ, желающимъ получать отъ своихъ капиталовъ неизмѣняющійся доходъ въ большемъ размѣрѣ, чѣмъ даетъ обыкновенное помѣщеніе ихъ, рекомендуется заключить страхованіе пожизненныхъ доходовъ въ **Страховомъ Обществѣ „Россія“** посредствомъ единовременнаго взноса въ общество.

Возрастъ страхуемаго при заключеніи страхованія

	55 л.	60 л.	65 л.	70 л.	75 л.	80 л.
Пожизненный доходъ отъ внесеннаго капитала	8,07 ⁰ / ₀	9,44 ⁰ / ₀	11,14 ⁰ / ₀	13,46 ⁰ / ₀	16,03 ⁰ / ₀	17,77 ⁰ / ₀

Такого рода страхованія пригодны также для обезпеченія неспособныхъ лицъ всякаго возраста, опекаемыхъ страхователемъ, для призрѣнія преданныхъ престарѣлыхъ слугъ и въ другихъ случаяхъ.

Подробности въ Правленіи (С.-Петербургъ, Большая Морская, д. № 37), у агентовъ въ г. Самарѣ С. М. Тикуннова (Казанская улица домъ Маркова) и П. А. Коновалова (Николаевская улица собственный домъ) и у агентовъ Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

СТРАХОВОЕ ОБЩЕСТВО „РОССІЯ“.

Наличные фонды Общества свыше 38,000,000 руб.

12—9

ЕПАРХІАЛЬНЫЙ ГУБЕРНСКІЙ АРХИТЕКТОРЪ

Ө. С. ХИЛИНСКІЙ

имѣетъ большой выборъ чертежей съ готовыми смѣтами церквей, школь и церквей—школь, а также и причтовыхъ домовъ, уже выстроенныхъ въ епархіи. Принимаетъ на себя устройство всякаго рода печей (голландскихъ, круглыхъ и колориферныхъ) съ вентиляціей и топкою на дрова, кизякъ и нефть

Колокольно-литейные заводы

П. Т. МИНИНОЙ

въ гор. Бузулукъ Сам. губ. и Уфѣ.

Имѣю честь довести до свѣдѣнія господъ заказчиковъ и покупателей церковныхъ колоколовъ, что заводы производятъ непрерывно отлитіе новыхъ и переливку разбитыхъ колоколовъ, а равно производится переливка разбитыхъ на новые всевозможнаго вѣса. Колокола отливаются гармоничнаго и сильнаго звука, чистаго литья и отдѣлки; имѣютъ украшеніемъ орнаменты разнаго стиля. По желанію заказчиковъ на колоколахъ ставятся особыя надписи и изображенія. Въ прочности выдается ручательство на два года. Уплата денегъ можетъ быть раздѣлена на сроки по соглашенію. Языки къ колоколамъ приготовляемъ кованые и желѣзные, литые стальные и литого желѣза. Для поднятія новыхъ колоколовъ и для снятія разбитыхъ заводы командируютъ мастеровъ и потребныя приспособленія.

Цѣна колоколовъ умѣренная.

Смѣта и подробный проектъ условія по требованію высылаются.

Адресъ: для писемъ въ городъ Бузулукъ на колокольно-литейный заводъ Пелагеи Трифоновны Мининой.
Для телеграммъ: Бузулукъ: Мининой.

МАГАЗИНЪ В. П. СТЕПАНОВА.

Самара, Дворянская улица, домъ Шумовой

ИМѢЕТЪ ГРОМАДНЫЙ ВЫБОРЪ

СУКНО, ТРИКО, ДРАНЪ, МОДНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ ТКАНИ
ДЛЯ ПЛАТЬЕВЪ И КОФТОЧЕКЪ.

ПЛЮШЪ ШУВНЫЙ ШЕЛКОВЫЙ И ШЕРСТЯНОЙ,
бархатъ, плюшъ для платьевъ и отдѣлокъ.

Полотняные товары, мебельныя матеріи, готовыя портьеры, гардин-
ный тюль, ковры, дорожки, скатерти, платки, одѣялы и всевозмож-
ные бумажные товары.

ИМѢЕТСЯ БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МАТЕРІЙ
СНЕЩАЛЬНО ДЛЯ ДУХОВЕНСТВА.

Р. S. Образцы по требованію иногороднихъ господъ покупателей высылаются
24—2 бесплатно, послыки съ наложеннымъ платежомъ.

СУЖНО, ДРАПЬ, ТРИКО

ДЛЯ МУЖСКИХЪ, ДАМСКИХЪ КОСТЮМОВЪ И ВСЕВОЗМОЖНЫХЪ ФОРМЪ
ВСѢХЪ ВЪДОМСТВЪ И УЧАЩИХСЯ.

ПЛЮШЬ ШЕЛКОВЫЙ и ШЕРСТЯНОЙ.

МОДНЫЯ ШЕЛКОВЫЯ И ШЕРСТЯНЫЯ МАТЕРИИ

ДЛЯ ДАМСКИХЪ ГЛАТЪЕВЪ,

зефиръ, батистъ, сатинетъ и всевозможныя бумажныя ткани.

ОДѢЯЛА ПЛЮШЕВЫЯ, БАЙКОВЫЯ, АТЛАСНЫЯ И ТКАНЬЕВЫЯ

получены въ большомъ и разнообразномъ выборѣ

ВЪ МАГАЗИНѢ ФАБРИКАНТА

И. Ф. СТЕПАНОВА,

Самара, Дворянская улица.

ЧИСТОЕ ВИНОГРАДНОЕ ВИНО

собственного сада на Кавказъ

ВЪ СКЛАДѢ
Г. И. ИВАНОВА.

Въ г. Самарѣ, уголъ Заводской и Соборной ул.

По случаю большого спроса чистаго вино-
граднаго церковнаго вина, приобрѣтеніе котораго
требуетъ большой спеціальности вслѣдствіе раз-
вившейся фальсификаціи даже на мѣстѣ произ-
водства, возбѣжаніе этого и чтобы поставить
дѣло на твердую почву я приобрѣлъ въ собствен-
ность виноградный садъ близъ г. Кизляра, Тер-
ской области. Церковное вино будетъ отпускаться
чистое виноградное, выдержанное на мѣстѣ про-
изводства; для перквей скидка 10% съ рубля.

24—7 Кавказскій садовладѣлецъ Ивановъ.

АРХИТЕКТОРЪ ГУБЕРЦ. ПРАВЛЕНІЯ
З. КЛЕЙНЕРМАНЪ

Саратовская улица, домъ Челышева, кв. № 12 средній
подъездъ.

Колокольно-литейный заводъ НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КАМЕНЕВА

бывшій Бр. ГУДКОВЫХЪ, въ Саратовѣ.

Основанъ въ 1817 г.

За Всероссийскую Промышленно-Художественную выставку въ Н.-Новгородѣ 1896 г. большая серебряная медаль. За Саратовскую Сельско Хозяйственную выставку 1899 г. большая серебряная медаль.

Заводъ принимаетъ заказы на выливку новыхъ и переливку старыхъ колоколовъ разнаго вѣса, также и доставку какъ по желѣзнымъ дорогамъ, такъ и водянымъ путямъ; поднимать колокола на колокольню, даетъ ручательство въ прочности колоколовъ и дѣлаетъ разсрочку платежа на разные сроки; при заводѣ всегда имѣются для продажи готовые колокола, вѣсомъ отъ 150 пудовъ и до 10 фунт. разной величины.

24—18

СОДЕРЖАНІЕ. Епархіальныя извѣстія.—Объявленія.

Обозрѣніе Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Гуріемъ, Епископомъ Самарскимъ и Ставропольскимъ, церковей 1-го благочинническаго округа Бугульминскаго уѣзда 20, 21, 22 и 23 іюня сего 1900 года.—Поученіе въ день молебна предъ ученіемъ въ Самарской Духовной Семинаріи.—Открытіе въ Самарѣ женской прогимназіи (27 августа 1900 года).—На югѣ. Дневникъ воспитанниковъ Самарской духовной семинаріи за время лѣтней экскурсіи 1900 года. (Продолженіе).—Сообщеніе о новыхъ книгахъ.—Указатель статей по исторіи и обличенію русскаго раскола и сектантства, напечатанныхъ въ Самарскихъ [Епархіальныхъ] Вѣдомостяхъ съ 1867 по 1899 годъ, за тридцать два года.—Объявленія.

Редакторъ, протоіерей Н. Боголюбскій.

Доволено цензурою 1-го октября 1900 г. Цензоръ прот. М. Смирновъ.

Тип. Самарской Духовной Консисторіи (Н. А. Жданова).

дался мысли употребить остатокъ силъ и энергіи любимому переводческому дѣлу, по окончаніи учебнаго года, когда онъ былъ вызванъ въ Петербургъ по дѣламъ службы. И 1891 годъ былъ послѣднимъ годомъ этой службы. И такъ въ трудахъ, въ службѣ церкви и отечеству прошла вся жизнь этого великаго труженика, который подвигомъ добрымъ подвизался, не зная личной жизни, личныхъ радостей, всецѣло отдавшись инородческому и просвѣтительному дѣлу.

Про личную жизнь Николая Ивановича можно сказать лишь нѣсколько словъ. Супруга его, Екатерина Степановна, смотрѣла на своего мужа, какъ на необыкновеннаго человѣка, и всѣ силы ея были направлены къ доставленію ему семейнаго спокойствія. „Скончался нашъ ангелъ“, сказала она въ моментъ смерти своего супруга, сотворивъ крестное знаменіе и тѣмъ показавъ на высокую степень своего благоговѣнія предъ личностью послѣдняго.

Николай Ивановичъ не имѣлъ своихъ дѣтей, — его дѣтьми были инородцы. Кромѣ того, судьба доровала ему и личныя родительскія заботы: онъ взялъ къ себѣ на воспитаніе 3 малютокъ, дѣтей своего умершаго въ бѣдности друга А. А. Бобровникова. Эти сиротки и сдѣлались настоящими дѣтьми благочестиваго семейства, воспитались въ идеяхъ Николая Ивановича. Одна изъ нихъ Екатерина Алексѣевна, впоследствии супруга инспектора чувашскихъ школъ, положила не мало трудовъ на пользу инородческаго просвѣщенія въ Симбирской чувашской школѣ, работая въ женскомъ отдѣленіи школы. Другой, Николай Алексѣевичъ, по окончаніи университетскаго курса, отдалъ свои силы Казанской Учительской семинаріи, гдѣ работаетъ и доселѣ, уже въ качествѣ преемника трудовъ своего воспитателя. О немъ Николай Ивановичъ писалъ К. П. Побѣдоносцеву, какъ о человѣкѣ очень дѣльнымъ, энергичномъ, блестящей головѣ и горячемъ патріотѣ, основательно разсуждающемъ въ дѣлахъ педагогическихъ и инородческихъ. „Иностранческая механика далась ему отъ того, вѣроятно, говоритъ Николай Ивановичъ, между прочимъ, что онъ пріѣхалъ ко мнѣ на житье въ 1865 году десятилѣтнимъ ребенкомъ. На

его глазахъ крещенотатарская школа росла и выросла, онъ слушалъ мои разговоры съ о. Макаріемъ нынѣшнимъ бійскимъ епископомъ, при немъ семинарія была открыта. При его блестящемъ умѣ и симпатичномъ, горячемъ сердцѣ не удивительно, что онъ набрался кое-чего, а самъ приумножилъ .. Какъ наблюдательный, безконечно пытливый, онъ не можетъ оставаться въ бездѣйствіи — слѣдить, наблюдаетъ, изучаетъ .. Отъ него можно ожидать многого, а для меня онъ великая опора и надежда, и ему я полагаю (егда помышляю смерть) вручить бы Казанское инородчество, но это въ рукахъ Божіихъ“. Николай Алексѣевичъ дѣйствительно сталъ преемникомъ знаменитаго просвѣтителя и взялъ на рамена свои нелегкое бремя инородческое, а съ нимъ горести и печали. Братъ Николая Алексѣевича, Александръ Алексѣевичъ тоже служитъ учебному дѣлу въ качествѣ архиваріуса Казанскаго Университета.

Кромѣ того, Николай Ивановичъ въ семейномъ отношеніи оставилъ по себѣ добрую память своимъ живымъ, сердечнымъ отношеніемъ къ родственникамъ: Сердобольскимъ, Смоленскимъ, Алексѣевымъ и др., помогая имъ матеріально и нравственно. Его квартира никогда не была пуста, въ ней жило всегда много людей, которыхъ призрѣвала мягкая, отзывчивая Екатерина Степановна. Николай Ивановичъ, всегда дѣятельный и благодушный, умѣлъ привлекать къ себѣ сердца людей, и къ нему шли за совѣтами и утѣшеніями. Онъ не любилъ общественныхъ развлеченій и все свое время посвящалъ инородчеству, отдыхая и наслаждаясь среди малыхъ сихъ, слушая ихъ дѣтскій лепетъ, всецѣло отдаваясь ихъ радостямъ и печалямъ. Жилъ онъ до крайности просто, одѣвался еще проще, и никто, никто не узналъ бы въ этомъ болѣе чѣмъ просто одѣтомъ, спѣшащемъ человѣкѣ великаго работника, свѣтильника Казанскаго края, если-бы пришлось встрѣтиться съ нимъ на улицѣ. Нужно еще замѣтить, что Николай Ивановичъ, живя такимъ образомъ, все свои средства отдавалъ инород. дѣлу, былъ безсребренникомъ. Увлекаемый идеей безкорыстнаго служенія дѣлу, онъ однако лишень былъ способности входить въ семейное положеніе своихъ служащихъ, семей-

ныхъ, нуждающихся въ пособіи, чтобы воспитать дѣтей, дать имъ образованіе; неохотно выслушивалъ, если какой нибудь народный учитель изъ его воспитанниковъ станетъ ему печаловаться на скудость жалованія въ 10 или 15 рублей въ мѣсяць, на что дѣйствительно трудно прожить и въ деревнѣ. Онъ не выносилъ мысли о какихъ-либо наградахъ и потому, кажется, ни одинъ его семинарскій преподаватель не былъ имъ представляемъ къ почетной наградѣ. Онъ желалъ, чтобы вся его семинарія, все инородчество стремилось, искало не земныхъ благъ, а царствія Божія и правды его. Вотъ какого великаго ума и какого чистаго сердца и какой кипучей энергіи былъ Николай Ивановичъ Ильминскій до самаго конца жизни. Съ его смертію потухъ въ нашемъ краѣ яркій свѣточъ русскаго православія, лучами своими озарявшій умы и согрѣвавшій сердца русскихъ инородцевъ...

днемъ бы
послѣдніе дни больной по
арствъ.

Рождества Христова Николай
лся съ женой, родными, каждо-
давалъ послѣднія распоряженія,

ГЛАВА V I.

Послѣдніе дни жизни Николая Ивановича. Его кончина и погребеніе. Перечень главныхъ печатныхъ трудовъ покойнаго.

Въ іюнѣ 1891 г. Николай Ивановичъ былъ вызванъ по дѣламъ службы въ Петербургъ, откуда онъ рѣшилъ отправиться въ Троице-Сергіеву лавру, чтобы въ тиши Геосиманскаго скита, среди полноты и простоты старины, строго здѣсь охраняемой, среди очаровательной мѣстности прожить лѣто, трудясь вмѣстѣ съ 3 студентами академіи, природными якутами, надъ исправленіемъ перевода на якутскій языкъ евангелія. Любимое дѣло и хорошая погода оживили труженика. Онъ былъ бодръ духомъ и видимо наслаждался благопріятною обстановкой труда.

Живя въ скиту, Николай Ивановичъ простудился и захворалъ инфлюэнціей, которая страшно надорвала старческія силы, хотя принятыя мѣры и подняли старца съ одра болѣзни. Но теперь онъ уже скоро уставалъ, постарѣлъ на цѣлые годы; хотя и уѣхалъ изъ Москвы въ веселомъ настроеніи, радуясь добрымъ извѣстіямъ объ инородческихъ дѣлахъ и неожиданной встрѣчѣ съ начальникомъ Алтайской миссіи, преосвященнымъ Владиміромъ Бійскимъ, бывшимъ тогда въ Москвѣ.

По возвращеніи въ Казань, Николай Ивановичъ былъ неузнаваемъ: лицо его осунулось, глаза впали и какъ то подозрительно свѣтились, голосъ ослабѣлъ, движенія стали медленны, морщины избороздили дотолѣ ясный, чистый ликъ. Слабость была такова, что 5 сентября въ храмовой семинарскій праздникъ онъ едва отстоялъ службу. Самъ больной и его докторъ подозрѣвали неизлѣчимую болѣзнь—ракъ желудка. Но вѣрный рабъ Божій не

захотѣлъ отдохнуть въ немногіе остающіеся ему дни. Онъ не говорилъ о своей болѣзни, не хотѣлъ видимо думать о ней, а старался какъ можно болѣе работать, торопился самъ и торопилъ другихъ, спѣшилъ закончить свои дѣла. Жена и родные настояли, чтобы онъ лѣчился: собрали консилиумъ; Николай Ивановичъ на все соглашался, шутилъ со врачами, но не пожелалъ и узнать, что за болѣзнь угнетала его тѣло; духъ его былъ занятъ думами о будущемъ. Смерть извѣстныхъ и близкихъ Николаю Ивановичу лицъ: профессора Казанской Академіи В. В. Миротворцева, его лучшаго сотрудника по переводческой комиссіи, профессоровъ Я. С. Степанова и И. Н. Холмогорова, бывшихъ университетскихъ сослуживцевъ, произвела сильное впечатлѣніе на больного. „Много уже умерло моихъ знакомыхъ и родныхъ, говорилъ Николай Ивановичъ своей супругѣ; въ послѣдніе годы особенно мнѣ приходилось часто слышать о смерти или хоронить дорогихъ людей; но никогда еще я такъ не останавливался и не сосредоточивался мыслью на смерти, какъ теперь: кончина И. Н. Холмогорова точно впервые уяснила мнѣ, что значить умереть“...

Незамѣнимый работникъ умиралъ на нивѣ и какъ бы погребалъ вмѣстѣ съ собою свои лучшія, свѣтлыя идеи. 23 ноября онъ слегъ въ постель, признанъ былъ безнадежнымъ и 1 декабря пожелалъ причаститься и помолиться предъ Тихвинской иконой Божіей Матери; временно чувствовалъ облегченіе отъ болѣзни, которая мучила его своими сильными болями. Съ 5 декабря онъ передалъ исправленіе должности наставнику семинаріи Н. А. Бобровникову, но почти весь декабрь посвятилъ окончанію своихъ дѣлъ: писалъ ученикамъ и сотрудникамъ письма, велъ корректуру послѣднихъ листовъ перевода псалтыри на татарскій языкъ, исправлялъ переводъ евангелія. Послѣднимъ было его завѣщаніе переводческой комиссіи. Послѣдніе дни больной почти ничего не ѣлъ, не принималъ лѣкарствъ.

Въ первый день праздника Рождества Христова Николай Ивановичъ пособоровался, простился съ женой, родными, каждого утѣшалъ. Въ этотъ день онъ давалъ послѣднія распоряженія.

передалъ Н. А. Бобровникову и свое духовное завѣщаніе, хранившея доселѣ у законоучителя семинаріи К. Н. Богородицкаго. Въ ночь съ 26 на 27 декабря онъ исповѣдовался и причастился у своего духовника священника Меньшикова, а въ 3 ч. утра законоучитель семинаріи прочиталъ надъ больнымъ молитвы на исходъ души. Въ 9 часовъ вечера священникъ Василій Тимоеевичъ началъ читать отходную, а въ 9^{1/2} часовъ утра тихо, безъ всякихъ стоновъ, мирно скончался истинно „человѣкъ Божій.“

Николай Ивановичъ въ своемъ духовномъ завѣщаніи озаботился обо всемъ. Похоронить себя онъ велѣлъ не въ Спасскомъ монастырѣ, а пожелалъ лечь на общемъ кладбищѣ, подлѣ того забора, который выходитъ къ крещенотатарской школѣ, откуда нѣтъ, нѣтъ да и придуть отслужить панихиду.

Прощаясь съ Николаемъ Алексѣевымъ Бобровниковымъ, онъ сказалъ: „Прощаться въ воспитанниками я не могу: это меня разстроитъ. Передай имъ, что я желаю имъ всякаго счастья, желаю имъ преуспѣвать въ благонравіи и трудѣ... Передай воспитанникамъ мой завѣтъ, чтобы отнюдь никогда ничего не пили; многіе изъ нашихъ воспитанниковъ погибли... всѣ, которые погибли, погибли отъ вина. Передай воспитанникамъ мой завѣтъ, чтобы отнюдь никогда не пили.“ По кончинѣ Николая Ивановича не было ни стоновъ ни плача, но было умилительно торжественное, хотя и скорбное общее чувство. Во всемъ домѣ стояла совершенная тишина, и даже хлопотавшіе вокругъ покойнаго говорили шепотомъ. Ни для кого потеря Николая Ивановича не была такъ чувствительна и незамѣнима, какъ для Василя Тимоеевича съ его крещеными татарами. „Боже мой, что будемъ дѣлать-то, куда пойдёмъ?“ говорилъ о. Василій, ни къ кому не обращаясь, никого не замѣчая, отдаваясь своему горю при видѣ умирающаго друга, сотрудника и руководителя.

По покойникѣ была впервые зачитана псалтырь на татарскомъ языкѣ, этотъ послѣдній переводческій трудъ усопшаго. Утѣла почившаго было отслужено множество панихидъ по усердію. Всѣхъ трогательнѣе были панихиды отъ плачущихъ инородцевъ. Православное пѣніе послѣднихъ, несравненное по своей задушев-

ности и простотѣ, было трогательно выразительнымъ, было выраженіемъ скорби ихъ душъ.

Нужно было приступать къ погребенію. О послѣднемъ Николай Ивановичъ сдѣлалъ слѣдующее распоряженіе:

„Относительно погребенія положительно не желаю я тѣхъ почестей, какими въ недавнее сравнительно время провождаютъ почившихъ въ могилу: прошу освободить меня отъ всякой торжественности и представительности: ни вѣнковъ, ни колесницы; я желалъ бы, чтобы меня несли на одрѣ, какъ у насъ на родинѣ хоронили, а можетъ и теперь еще хоронятъ православныхъ покойниковъ; мнѣ этотъ одрѣ по душѣ. Не желаю я формальныхъ и панихидъ. Всегда я сильно смущался и стѣснялся всякой выдающейся отличкой: нарядами, отличіями, почестями, рекомендаціями, титулами, орденами и т. д. Я не могу представить хладнокровно, если меня будутъ провожать въ могилу съ помпой. Желаю и прошу устроить дѣло моего погребенія просто, по православному, по семейному, чтобы лишь самые близкіе, родные и знакомые, русскіе и инородцы, меня проводили и за меня, грѣшнаго, помолились. Больше ничего не имѣю, а эти написанные пункты я озаботился изложить, дабы они не были нарушены по усердію ко мнѣ или по легальнымъ требованіямъ. Прибавляю для поясненія сейчасъ по написаніи всего: орденовъ и шпаги со шляпой чтобы не было—отнюдь не желаю. Нагъ отъ всякихъ земныхъ отличій я долженъ предъ Богомъ, да проститъ Онъ мои согрѣшенія.“ Еще въ началѣ декабря Николай Ивановичъ просилъ архіепископа Казанскаго, чтобы на его похоронахъ не было и похвальныхъ рѣчей: „грѣшный человѣкъ отправляется къ судіѣ, а его везутъ, какъ триумфатора, на колесницѣ, съ вѣнками. Если душѣ человѣка позволено видѣть и слышать, что совершается вокругъ тѣла, она должна безконечно страдать отъ чрезмѣрныхъ несправедливыхъ похвалъ, которыя произносятся иногда по постороннимъ побужденіямъ. Какъ послѣ возданныхъ почестей явится душа предъ престоломъ Всевышняго? Она уже получила на землѣ мзду свыше мѣры“.

31 декабря совершены были похороны. Всѣ представители города, учреждений, почитатели покойнаго явились въ одеждахъ частныхъ людей. Явилось много инородцевъ. Въ семинарскомъ храмѣ совершена была заупокойная литургія и—чинъ отпѣванія. Богослуженіе совершалъ преосвященный Никаноръ, а на отпѣваніе вышли 23 человекъ. Всѣ были въ бѣлыхъ ризахъ, по завѣщанію покойнаго. Ектеніи, возгласы и пѣніе совершались на инородческихъ языкахъ воспитанниками семинаріи и крещено-татарской школы. И вотъ дрогнули сердца молящихся, когда при прощаніи съ почившимъ, сверхъ всякаго ожиданія, раздался нервный, полный неисходнаго горя голосъ о. Василя Тимоѳеевича: „не могу терпѣть, не смѣю молчать“—началъ онъ, заливаясь слезами свое прощальное слово, въ которомъ просто и задушевно благодарилъ усопшаго за то добро, которое онъ сдѣлалъ инородцамъ; просилъ молитвъ усопшаго предъ Царемъ небеснымъ о дальнѣйшемъ преуспѣяніи христіанскаго просвѣщенія татаръ.

По окончаніи отпѣванія тѣло покойнаго было вынесено на одрѣ, который, какъ и гробъ, былъ сдѣланъ руками учениковъ Николая Ивановича. Шествіе тронулось къ городскому кладбищу, прерываясь рядомъ литій на славянскомъ и инородческихъ языкахъ около тѣхъ учреждений, гдѣ служилъ Николай Ивановичъ. Впереди гроба несли хоругвь Братства св. Гурія, священное знамя, которое такъ высоко держалъ Николай Ивановичъ въ теченіе своей жизни. Послѣдняя литія была совершена у любимаго дѣтища усопшаго, осиротѣвшей и горько плачущей Крещено-татарской Школы. Въ 3^{1/2} часа по-полудни гробъ съ дорогими останками опустили въ могилу, послѣ того какъ товарищъ по академіи и лучшій другъ его, А. П. Владимірскій благословилъ предать тѣло землѣ, и могила была засыпана. Судьба доставила покойному лучшее мѣсто: у входа въ храмъ при придѣлѣ Св. Николая.

Могильная насыпь потомъ была обдѣлана дерномъ, увѣнчана крестомъ, а во главѣ могилы, на храмовой стѣнѣ былъ устроенъ образъ Св. Николая Чудотворца. Сюда въ весенніе, лѣтніе дни приходятъ дѣти Николая Ивановича по духу, его ученики,

инородцы, его почитатели, чтобы отслужить панихиду и мысленно побыть въ общеніи съ душою дорогого учителя. Сюда направляетъ старческія стопы свои и жизненный другъ Николая Ивановича, Екатерина Степановна, чтобы пролить слезы умиленія на драгоценную могилу, одѣть ее ковромъ живыхъ цвѣтовъ и побесѣдовать о своемъ „ангелѣ“, перенестись духомъ къ нему въ загробный міръ. „Воспоминанія ея *) въ настоящее время слились въ одно общее, свѣтлое представленіе, что Николай Ивановичъ былъ святой человѣкъ. Умъ его, душа и сердце всегда дѣйствовали по законамъ Божескимъ, а все человѣческое было ему чуждо. Случались ли какія непорядки, онъ себя во всемъ обвинялъ; надо-ли было помочь кому нибудь—онъ всегда себя забывалъ, чтобы успокоить человѣка. Въ дѣло свое вкладывалъ всю душу, отстаивалъ свое дѣло кротостію. Онъ не нарушилъ ни одной изъ заповѣдей Божіихъ, а заповѣдь: „Да любите другъ друга“ завершала его добродѣтели. Всею душой она вѣритъ, что душа такого человѣка унаслѣдуетъ царство небесное и въ мірѣ всѣхъ совершенствъ успокоится. Вѣчная ему память“! Отъ незабвеннаго Николая Ивановича осталось то, что не можетъ умереть: его дѣла, примѣръ его жизни, въ руководство и поученіе. Пройдутъ годы и годы, а память о христіанскомъ просвѣтителѣ инородцевъ, имя великаго учителя, пока еще мало понятаго, мало оцѣненнаго, будутъ жить въ Казанскомъ краѣ, въ сердцахъ простыхъ, безхитростныхъ людей.

„Кончина Николая Ивановича Ильминскаго—великое горе, цѣлое несчастіе для православной церкви, для русской науки, для русской школы и, наконецъ, для общества. Великое несчастіе, что перестала работать идея, отлетѣлъ творческій геній. Николай Ивановичъ держалъ въ своихъ рукахъ всѣ нити систематическаго просвѣщенія путемъ школы въ цѣломъ восточномъ краѣ до Байкала и Алтая.

Какъ педагогъ, покойный желалъ отъ школы, чтобы она была продолженіемъ семьи и ея свободныхъ и искреннихъ началъ... Поклонимся же за своихъ меньшихъ братьевъ, инородцевъ, покойному: онъ училъ ихъ быть христіанами и людьми“.

*) Письмо Екатерины Степ. Ильминской 11 марта 1890 г.

Николай Ивановичъ завѣщаль потомству систему инородческаго просвѣщенія, прекрасно имъ разработанную въ цѣломъ рядѣ его сочиненій, изъ которыхъ можно указать на слѣдующія:

„Татарскія надписи изъ временъ Казанскаго царства въ Лаишевскомъ уѣздѣ“ 1851 г.

„О первомъ походѣ монголовъ въ Россію“ съ арабскаго. 1854 г.

„Изданіе арабскаго сочиненія Китабъ-Биркили“. 1855 г.

„Баберъ-Намэ“, записки султана Бабера 1856 г.

„Замѣчанія о тамгахъ и унгунахъ“ 1858 г.

„Древній обычай распредѣленія кусковъ мяса у киргизовъ“ 1866 г.

„О туркменскомъ языкѣ“ 1860 г.

„Исторія пророковъ Рабгузы на джагатайскомъ нарѣчій“ 1859 г.

„Матеріалы къ изученію киргизскаго нарѣчія“. 1860 г.

„Самоучитель русской грамоты для киргизовъ“. 1861 г.

„Иръ-Таргынъ“, киргизская повѣсть. 1861 г.

„Объ учащательной формѣ татарскаго глагола“. 1863 г.

„Матеріалы для джагатайскаго спряженія изъ Баберъ-Намэ“. 1863 г.

Переводныя изданія: Букварь, книга Бытія, Премудрость, Евангеліе отъ Матѳея, пасхальная служба (1862—1869).

„О фонетическихъ отношеніяхъ между чувашскимъ и тюркскими языками“. 1865 г.

Воспоминанія объ А. А. Бобровниковѣ. 1865 г.

Некрологъ А. А. Бобровникова. 1865 г.

О переводѣ христіанскихъ книгъ на тат. языкъ. 1870 г.

Размышленіе о сравнительномъ достоинствѣ въ отношеніи языка разновременныхъ редакцій церковнослав. перевода псалтыри и евангелія. 1882 и 1886 г.

Изъ переписки по поводу примѣненія русскаго алфавита къ инородч. языкамъ. 1883 г.

О церковномъ богослуженіи на инород. языкахъ. 1883 г.

Къ исторіи инородческихъ переводовъ. 1883 г.

Опыты переложенія христіанскихъ вѣроучительныхъ книгъ на татарскій и другіе инород. языки. 1883 г.

Изъ переписки объ удостоеніи инородцевъ священнослужительскихъ должностей. 1885 г.

Обученіе церковнославянской грамотѣ въ начальныхъ народныхъ училищахъ. 1885 г.

Казанская Крещенотатарская Школа. 1887 г.

Бесѣды о народной школѣ. 1888 г.

Матеріалы для сравнительнаго изученія церковнославянскихъ формъ и оборотовъ, извлеченныхъ изъ евангелія и псалтыри. 1888 г.

Святое евангеліе Господа Нашего Иисуса Христа. Древнеславянскій текстъ. 1889 г.

Церковнославянская азбука для церковно-приходскихъ школъ. 1889 г.

Обученіе грамотѣ по церковнославянской азбукѣ. 1888 г.

По поводу статьи: Школы грамотности. 1888 г.

Достопримѣчательное явленіе въ области первоначальнаго обученія. 1889 г.

Образецъ полемики г. пастора Дальтона. 1890 г.

Переписка о чувашскихъ изданіяхъ Переводческой Коммиссіи. 1890 г.

Некрологъ А. П. Сердобольскаго. 1890 г.

Къ некрологу Махмудова. 1891 г.

Воспоминанія объ И. А. Алтынсаринѣ. 1891 г.

Учебный часословъ, учебный псалтырь и учебный октоихъ для церковноприход. школъ.

Кромѣ этихъ работъ, Николай Ивановичъ оставилъ по себѣ цѣлый рядъ мелкихъ статей, замѣтокъ въ газетахъ и временныхъ изданіяхъ. Припомнимъ, что ему принадлежитъ много переводовъ священныхъ книгъ на инородческіе языки, и послѣднимъ его переводомъ былъ псалтырь на татарскомъ языкѣ.

Рядъ статей собранъ былъ имъ въ изданіи: „Казанская Крещенотатарская Школа“. Онъ редактировалъ и издалъ дневникъ Василія Тимоѣевича „бесѣды съ черемисами“ учителя Ма-

лярова, „Погребальные обычаи и повѣрья старокрещен. татаръ“
Гаврилова, „Остатки язычества въ современныхъ вѣрованіяхъ
крещ. татаръ Казанской губ.“ Максимова, „Произведенія народ.
словесности“ вотяковъ Гаврилова, „Образцы (мордовской народ-
ной словесности“ Юртова, „Религіозные обряды черемись“ Яков-
лева, и нѣк. др. статьи.

Вотъ памятникъ трудовъ Н. И. Ильминскаго.

ГЛАВА VII.

Общія воззрѣнія Н. И. Ильминскаго на русскую народную школу.

Работая всю свою жизнь на пользу просвѣщенія края, Николай Ивановичъ долженъ былъ опредѣлить и формулировать свои воззрѣнія на воспитаніе и обученіе въ народной школѣ, служить которой онъ былъ призванъ какъ директоръ учительской семинаріи. Читая въ школѣ педагогику, онъ по своему собственному признанію, только и твердилъ своимъ воспитанникамъ, каковы должны быть основы ихъ будущей просвѣтительной работы.

Призванный къ участию въ обсужденіи вопроса о народномъ образованіи и устройствѣ церковно-приходскихъ школъ, выработкѣ учебныхъ программъ послѣднихъ, Николай Ивановичъ естественно долженъ былъ собрать во-едино всѣ свои взгляды по народному школьному дѣлу, обработать ихъ для общаго употребленія, и въ 1888 г. напечаталъ свои „Бесѣды о народной школѣ“.

Что такое народная школа и какаѳ ея задача? спрашиваетъ онъ. По взгляду приснопамятнаго педагога, народная школа есть низшее, начальное училище, полагающее начало, основаніе всему образованію. Начальная школа есть учрежденіе общеобразовательное, ея задача выпускать людей, составляющихъ народъ, выпускать хорошихъ людей, т. е, обладающихъ нравственными качествами.

Добрая нравственность есть основаніе, на которомъ зиждется всякая спеціальность, научная, ремесленная, и пусть сначала образуется хорошій человекъ, а потомъ онъ уже будетъ учиться и спеціальности. Отсюда народная начальная школа общеобязательна для русскихъ и для всякаго человека.

Наша нравственность тѣсно связана съ религіей, какъ основою, почему и можетъ быть только нравственностью религіозною.

Хорошій, религіозный человѣкъ, по воззрѣніямъ Н. И. Ильминскаго, долженъ быть таковымъ не въ мысляхъ и понятіяхъ, не на словахъ только, но на дѣлѣ, въ жизни, предъ Богомъ и своею совѣстью.

Школа не должна ограничиваться, при образованіи нравственнаго человѣка, однимъ теоретическимъ ученіемъ, что чаще всего и легче всего дѣлается, а ей надобно воспитать человѣка, т. е. выростить и укрѣпить его въ добрыхъ дѣлахъ, въ чувствахъ богобоязненныхъ и честныхъ. Отвлеченная религіозность, общечеловѣческая, отвлеченная нравственность въ такомъ общемъ, теоретическомъ видѣ не умѣстны въ начальной народной школѣ.

Какъ въ тѣлѣ человѣческомъ, при одинаковости общаго устройства всѣхъ органовъ, а также внутренней дѣятельности и жизни, есть частныя особенности, происшедшія отъ условій страны, климата, пищи и другихъ средствъ матеріальной жизни; какъ соблюденіе этихъ частныхъ особенностей доставляетъ здоровье; какъ совокупность всякихъ частныхъ и мелкихъ особенностей составляетъ расу; подобно этому и въ душѣ человѣческой есть частныя особенности, совокупность которыхъ составляетъ народность, подъ сѣнію которой эти особенности углубляются и развиваются все болѣе и болѣе.

Нравственность и христіанство, при общемъ сходствѣ, на дѣлѣ у каждаго народа имѣютъ свои особыя отличія. Напримѣръ, Богопочтеніе и молитва въ сущности дѣло общехристіанское, но проявленія ихъ у каждаго народа свои. Насъ трогаетъ наша православная богослужебная обстановка, тотъ церковный чинъ, съ которымъ мы съ дѣтства сроднились. У лютеранъ церковь и богослуженіе представляются намъ скорѣе школой и уроками Закона Божія. Точно также каждымъ народомъ своеобразно проявляются благотворительность, почтеніе къ родителямъ, къ старшимъ, вѣжливость.

Эти религіознонравственныя особенности возникаютъ и растутъ подъ сѣнію семьи, общества, государства и церкви.

Наше русское семейное, общественное и государственное устройство сложилось подъ сильнымъ вліяніемъ православной церкви, которая имѣла сильное образовательное дѣйствіе на всѣ проявленія русской жизни.

Отсюда выходитъ, что школа должна воспитывать чловѣка въ тѣхъ формахъ и границахъ, въ которыхъ сложилась русская жизнь; должна воспитывать людей русскихъ въ формахъ православія и русской народности.

Что такое воспитаніе? (Болѣе подробное разъясненіе). Воспитаніе означаетъ развитіе и увеличеніе. Увеличеніе бываетъ 1) внѣшнее и механическое и 2) органическое и живое. Примѣромъ перваго служить, по словамъ Н. И., строящійся изъ кирпичей домъ; примѣромъ втораго—жизнь растеній и животныхъ. Растеніе увеличивается извнутри согласно своей породѣ, причемъ внѣшнія условія—почва, свѣтъ, воздухъ—служатъ лишь матеріалами, которые растенія принимаетъ и переработываетъ съ помощью своихъ органовъ. Тоже происходитъ и съ животнымъ. Воспитатель можетъ способствовать развитію животнаго и растительнаго организмовъ тѣмъ, что доставляетъ имъ необходимыя условія для ихъ жизни и охраняетъ отъ вредныхъ вліяній.

Второй способъ развитія принадлежитъ и душѣ чловѣческой, существу, по ученію церкви, отличному и особому отъ тѣла, хотя съ нимъ тѣсно соединенному, частію отъ него зависящему, но болѣе имъ управляющему, существу со своими силами и законами, съ своей формой дѣятельности, начинающемуся и постепенно возрастающему своимъ духовнымъ развитіемъ. Такъ мы представляемъ члов. душу, уподобляя предметамъ вещественнымъ, не будучи въ состояніи понять и представить существо духовныхъ предметовъ.

Народная школа, воспитывая чловѣка, должна содѣйствовать органическому внутреннему росту душевныхъ силъ и способностей въ религіозно-нравственномъ направленіи, доставляя необходимую для того пищу и устраняя отъ вредныхъ вліяній.

Въ силахъ душевныхъ нужно различать форму и содержаніе. Разсудокъ составляетъ свои понятія, сужденія и умозаключе-

нія по опредѣленнымъ общечеловѣческимъ законамъ, равно какъ и память, воображеніе. Воспитаніе только развиваетъ и укрѣпляетъ эти способности, но не можетъ измѣнить ихъ природу.

Совсѣмъ другое дѣло содержаніе этихъ способностей: понятія и знанія людей при различныхъ условіяхъ жизни отличаются другъ отъ друга въ значительной степени, особенно въ отношеніи нравственности.

Воспитаніе, содѣйствуя укрѣпленію душевныхъ силъ, направляетъ свои усилія на нравственное облагороженіе человѣка. Въ раннюю пору, въ дѣтствѣ въ душѣ человѣка сильно естественное предрасположеніе къ добру и истинѣ, и юное сердце легко воспринимаетъ все хорошее. Народная школа и должна воспользоваться этою порою жизни для развитія возвышенныхъ чувствъ и наклонностей.

Возрастаніе и развитіе растений и животныхъ идетъ постепенно, точными періодами, по возрастамъ. Также и въ жизни человѣка существуютъ 3 періода: въ утробѣ матери, по рожденіи въ тѣлѣ, и наконецъ послѣ смерти въ особомъ, обновленномъ состояніи. Первый періодъ продолжается 9 мѣсяцевъ, второй, по указанію пророка Давида, семьдесятъ лѣтъ, аще же въ силахъ—осьмьдесятъ лѣтъ; третій продолжится безконечные вѣки. Во второмъ періодѣ человѣческой жизни замѣчаются такъ назыв. возрасты, имѣющіе въ общемъ опредѣленное продолженіе, каждый свои потребности, формы, способы развитія, свои заботы и занятія, радости и печали. Человѣкъ долженъ пройти черезъ эти возрасты опредѣленнымъ порядкомъ, и всякое ускореніе въ переходѣ одного возраста къ другому сопровождается дурными послѣдствіями, иногда даже непоправимыми.

Жизнь душевная развивается постепенно и проходитъ своего рода возрасты, отличающіеся другъ отъ друга своими потребностями, своею дѣятельностію.

Народная школа имѣетъ дѣло собственно съ возрастомъ дѣтскимъ, по своеобразнымъ особенностямъ болѣе всего нуждающимся въ помощи и охранѣ. Она должна въ примѣненіи матеріаловъ и пріемовъ воспитательно образовательныхъ строго сообразоваться съ

возрастомъ своихъ питомцевъ, не ускоряя искусственнымъ образомъ воспитательнаго процесса и не употребляя способовъ, свойственныхъ другимъ возрастамъ, что разстроитъ правильный ходъ душевной жизни.

Какими свойствами отличается школьный — отроческій возрастъ?

Душа человѣческая — существо духовное и простое, проявляется вся цѣликомъ; но мы, для удобства разсмотрѣнія душевной дѣятельности, раздѣляемъ ее на три области: дѣятельность познавательную и мыслительную (умъ), дѣятельность желательную и дѣйствительную (воля), дѣятельность чувствительную (сердце). Дѣятельность сердца трудно поддается самосознанію, воля имѣетъ большую степень сознательности, ее можно прослѣдить; на самую отчетливую сознательность отличаются дѣйствія ума, почему они подробнѣе ислѣдованы и лучше извѣстны. Но сущность каждой душевной области, равно какъ и самое существо души недоступны непосредственному самонаблюденію. Въ этой недосыгаемой глубинѣ души, зачинаются зародыми нашихъ мыслей и чувствъ, которыя изъ нихъ вырабатываются, выясняются, дѣлаются сознаваемыми. Чѣмъ выше умственное развитіе, тѣмъ рѣзче отдѣляются душевныя области и силы. Но въ людяхъ, малоразвитыхъ умственно, дѣятельность ума сильнѣе отражается на сердцѣ и волѣ. Стоитъ имъ воспринять какія нибудь, чисто предположительныя разсужденія, какъ они теряютъ вѣру въ то, чему поклонялись доселѣ. Въ дѣтскомъ возрастѣ подобное неразрывное и живое единство всѣхъ душевныхъ силъ необходимо и естественно, но проявляется какой нибудь опредѣленной стороною: либо сердцемъ, либо волею, либо умомъ. Въ дѣтскомъ возрастѣ совмѣстное и цѣльное движеніе жизни души проявляется преимущественно сердечной стороною, т. е. вмѣстѣ съ сердцемъ пробуждаются желаніе и смыслъ, только послѣдніе въ видѣ безсознательныхъ зачатковъ. Первый проблескъ пониманія младенца замѣчается тогда, когда онъ узналъ мать и улыбнулся ей. Но это пониманіе готовилось исподволь, и первые зачатки его Николай Ивановичъ готовъ отнести къ утробной жизни ребенка. Оно связано далѣе

съ ощущеніями тепла, насыщенія, отраженіемъ лица матери въ глазахъ ребенка. Все это вмѣстѣ, сопровождаясь пріятнымъ чувствомъ удовлетворенія, разрѣшается, спустя нѣкоторое время, улыбкой младенца у груди матери и осмысленнымъ взглядомъ: ребенокъ узналъ источникъ радостнаго тепла и удовлетворенія и выразилъ свое счастье улыбкой. Это зародышъ любви. Народная школа должна обратить вниманіе на преимущественное проявленіе сердечной стороны въ душевной жизни дѣтей и въ своихъ воспитательскихъ воздѣйствованіяхъ примѣняться къ этому факту. И такъ первый шагъ душевной жизни человѣка ставитъ его на свѣтлый путь любви, которая въ своемъ развитіи превращается въ любовь къ Богу и любовь къ ближнему, „николиже отпадаетъ, а продолжается всю человѣческую жизнь и переходитъ въ нескончаемую вѣчность“. Любовь къ Богу и представляетъ основу и сущность религіи, а любовь къ ближнему есть основа и сущность нравственности.

Оба вида любви въ жизни въ свою очередь разнообразны по проявленію и примѣненію, но однородны по сущности. Таковы страхъ Божій, благоговѣніе, богоугожденіе, молитвенное чувство и т. п. или сочувствіе, самопожертвованіе и т. д.

Исполненіе любви есть предназначеніе Божіе; но въ людяхъ встрѣчаются и плевелы въ видѣ самолюбія, своекорыстія, плотоугодія и т. п. заполняющія душу зломъ нравственнымъ.

Въ борьбѣ добра со зломъ воспитаніе должно помочь добру, застигнуть человѣка еще въ дѣтскомъ возрастѣ и охранять его отъ зла цѣлые годы.

Такимъ образомъ задача начальной народной школы состоитъ въ развитіи и укрѣпленіи въ дѣтяхъ любви къ Богу и ближнему во всѣхъ по возможности ея проявленіяхъ.

Какой же доступъ найдетъ воспитатель въ душу ребенка, чтобы въ глубинѣ ея развить религіозность и нравственность, основанная на любви?

Міръ внѣшній человѣкъ познаетъ посредствомъ чувствъ; добытыя ими отдѣльныя разрозненныя воспріятія разсудокъ обрабатываетъ и строитъ знаніе. Впечатлѣнія внѣшнихъ чувствъ всѣмъ

убѣдительно, рѣшительно и очевидно; понятія, сужденія, умозаключенія уже не имѣютъ у людей такой рѣшительности и убѣдительности.

Но кромѣ міра вещественнаго, есть міръ духовный: Богъ, ангелы, челов. души, міръ нравственный; познаніе ихъ еще болѣе необходимо для людей: „ищите прежде Царствія Божія и правды Его, и сія вся приложатся вамъ„.— „Какая польза человеку, аще весь міръ пріобрѣдетъ, душу же свою отщетитъ“. Такъ говоритъ Спаситель.

Въ этомъ случаѣ нашъ разумъ обрабатываетъ, приводитъ въ систему то, что доставили ему душевныя воспріятія; въ душѣ должны существовать особыя стороны, какъ бы органы духовныхъ воспріятій. Способность непосредственнаго воспріятія духовныхъ и нравственныхъ предметовъ есть драгоцѣнная способность души человѣческой; существованіе ея очевидно и несомнѣнно убѣдительно. Это лучше всего проявляется въ оцѣнкѣ людьми подвиговъ самопожертвованія, которые всѣми одинаково одобряются, признаются высокими, святыми; или въ общности людскихъ впечатлѣній невиннаго страданія, когда дѣти выражаютъ такое сильное и живое правосудіе. Впечатлѣніе нравственное, зависящее отъ воспріимчивости и свѣжести сердца, особенно сильно дѣйствуетъ въ юномъ возрастѣ, и Спаситель сказалъ: „Исповѣдаю Ти ся, Отче, Господи небесе и земли, яко утаилъ еси сія отъ премудрыхъ и разумныхъ и открылъ еси та младенцемъ“. И дѣйствительно совѣсть и сердце грубѣетъ съ годами, и каждый младенецъ въ дѣлахъ вѣры и нравственности болѣе чутокъ, искреннѣе вѣруетъ и горячѣе любитъ.

Въ жизни природы существуетъ общеобязательный, цѣлесообразный и безошибочный законъ, называемый инстинктомъ, особенно проявляющійся въ животныхъ и насѣкомыхъ, напримѣръ, въ пчелахъ, птицахъ, дѣйствія которыхъ отличаются характеромъ непреложности и безошибочной цѣлесообразности. Это, конечно, одно изъ проявленій премудрости Создателя. Въ жизни человѣка тоже замѣчается проявленіе этой общности, безошибочности и цѣлесообразности. И въ душѣ человѣческой есть необходимый законъ

и движущая сила душевной жизни. Къ такимъ непосредственнымъ дѣйствіямъ души относится, напримѣръ, фактъ языка, происхожденіе котораго, несмотря на современныя изслѣдованія языковѣдѣнія, остается неизвѣстнымъ, а откровеніе Божіе сообщаетъ намъ, что человѣкъ владѣетъ языкомъ тотчасъ по созданіи. Къ нимъ же относятся и всѣ первыя возбужденія, внутреннія дѣйствія и расположенія въ душѣ и прежде всего возбужденіе религіозное и нравственное, которое при благопріятныхъ условіяхъ, подобно хлѣбному зерну, можетъ развиваться. Въ душѣ есть всегда зародышъ религіозно-нравственныхъ чувствъ и расположеній, которыя развиваются въ немъ подобно тому, какъ развивается въ немъ даръ рѣчи, незамѣтно отъ окружающихъ, путемъ примѣра и подражанія.

Дѣтскій возрастъ можно раздѣлить на 3 части. Младенчество—это первая пора, когда дитя нуждается въ постоянномъ попеченіи матери. Въ эту пору и проявляются самыя первыя воспріятія любви, которыя запечатлѣваются въ простыхъ дѣтскихъ словахъ: папа, мама, баба, няня и т. п.

Съ 2 лѣтъ до 5 продолжается второй періодъ дѣтскаго возраста. Это періодъ подражательности старшимъ, родителямъ, непременно сопровождается разговорами, выраженіями и волненіями, и замѣтенъ явный перевѣсъ внутр. состоянія надъ внѣшнимъ дѣйствіемъ. Во вторую ступень развитія дѣтской души имѣютъ значеніе явленія дѣйствительной жизни, и чѣмъ они болѣе искренни, жизненны и полны глубины душевной, тѣмъ возбудимѣе для ребенка. Не всѣ явленія дѣйствительности возбуждаютъ душу ребенка а лишь тѣ, которыя потребны. Это преимущественно потребности религіозныя и нравственныя, и въ этотъ періодъ начинаются начала божественнаго чувства и молитвы, если они возбуждаются дѣйствительными религіозными расположеніями взрослыхъ: искренней молитвой, особенно во время несчастія, благочестивымъ расположеніемъ семьи, когда душа ребенка дѣйствительно полна религіознымъ умиленіемъ и глубокими сердечными ощущеніями. Такъ же вліяетъ религіозное настроеніе молящихся въ храмѣ. Въ этотъ періодъ въ значительной степени развивается и

способность рѣчи путемъ подражанія разговору старшихъ, и чѣмъ искреннѣе, сердечнѣе и нравственнѣе этотъ разговоръ, тѣмъ онъ глубже дѣйствуетъ на душу ребенка.

Третій періодъ—это возрастъ отъ 5 до 10 лѣтъ, когда дитя подросло, укрѣпилось, и поле воспріятій для ребенка стало шире. Дѣтская душа имѣетъ предъ собою массу явленій и предметовъ, но вдохновляется и проникается болѣе подходящими и сочувственными. Усвоеніе религіозныхъ и нравственныхъ впечатлѣній продолжается съ большею силою. Церковная служба, разныя сильно дѣйствующія явленія развиваютъ въ ребенкѣ то искреннюю жалость и участіе, то радость, безкорыстное сочувствіе, то чувство несправедливости, обиды, незаслуженнаго страданія. И вотъ въ эту то пору воспріятія внѣшнихъ впечатлѣній, преимущественно пассивнымъ образомъ, и западаютъ въ души дѣтей дурныя впечатлѣнія: злоба, мстительность, гнѣвъ. Дѣти безсознательно научаются сквернословію и кощунству, а иногда ихъ этому учатъ и взрослые, къ своему стыду и гибели.

Дѣти нашихъ поселянъ въ возрастѣ 7—10 лѣтъ поступаютъ въ народныя школы. Наши народныя школы уже располагаютъ разными средствами воспитанія и обученія. Въ эти школы поступаютъ дѣти непосредственно—естественнаго семейнаго воспитанія, правда ограниченнаго тѣснымъ кругомъ понятій и умѣній, принадлежащихъ семьѣ, сословію, даже народу; но за то это воспитаніе согласно съ бытомъ, образомъ жизни и крѣпко вложено. Школа, желая вложить въ дѣтей доброе, свѣтлое, разумное, выработанное челоуѣчествомъ, не должна пренебрегать домашнимъ воспитаніемъ, а уподобиться садовнику, который прививаетъ къ сильному дичку вѣтку облагороженнаго дерева, и эта вѣтка сростается съ дичкомъ, въ органическомъ единеніи растеть и развивается, и даетъ нѣжные и сладкіе плоды. Вотъ эта задача органическаго, живого развитія и принадлежитъ школѣ.

Существующіе у насъ виды народныя школы: министерская, земская и церковно-приходская *должны имѣть и въ сущности имѣютъ одну и ту же задачу:* религіозно нравствен-

ную и воспитательную. Во всѣхъ нихъ проходятся приблизительно одни и тѣ же предметы, и главный предметъ составляетъ законъ Божій, наиболее дѣйствительное средство для исполненія религіознонравственной задачи народной школы. Такъ какъ семейное воспитаніе религіозно-нравственное, то школа, сливаясь съ семейнымъ воспитаніемъ, продолжаетъ послѣднее, расширяетъ и осмысливаетъ.

Наши школы часто заключаютъ въ себѣ новый міръ по обстановкѣ, отношеніямъ, рѣчамъ и пріемамъ, и сельскія дѣти должны долго принаравливаться къ школьнымъ порядкамъ. Школа, напротивъ, должна направляться въ духъ тѣхъ же семейныхъ привычекъ, съ какими дѣти поступаютъ въ нее. Народный учитель долженъ стоять къ ученикамъ въ отношеніяхъ семейныхъ не господиномъ учителемъ, а по имени и отчеству, дядюшкой, дѣдушкой, имѣть авторитетъ отца, дяди, дѣда, старшаго брата. Уваженіе и послушаніе должно быть предметомъ школьнаго воспитанія, какъ это изображено въ знаменитомъ *Orbis pictus* Я. А. Каменскаго, греческомъ октоихѣ изданія 1738 и 1845 г., наконецъ въ славяно-греко-латинской азбукѣ начала 18 в. По идеаламъ греческому, русскому и Яна Каменскаго, учитель долженъ быть сановитымъ, спокойнымъ, внушать уваженіе. Наша прежняя учительница изъ келейницъ, степеннаго и набожнаго вида, одѣтая въ черное, въ кельѣ, уставленной образами и съ горящею лампадой, запахомъ ладона: должна была располагать ребенка къ набожнымъ и благоговѣйнымъ впечатлѣніямъ. Конечно, чувства эти не могутъ быть внушены юными свѣтскими учителями съ развязными манерами и игривымъ тономъ рѣчи. Прежде къ книгамъ: часовнику и псалтири относились съ уваженіемъ, предъ чтеніемъ крестились, послѣ чтенія цѣловали книгу, по примѣру духовенства; нынѣ къ учебной книгѣ свѣтскаго содержанія нѣтъ уваженія, съ нею обращаются небрежно, и за нею такое же обращеніе ожидаетъ и священную книгу. Этого нѣтъ даже у татаръ, у которыхъ татарчата уважительно несутъ коранъ и друг. учебныя книги; у нихъ обращеніе съ кораномъ обусловлено точными правилами; у насъ это предоставлено внутреннему одушев-

ленію челоуѣка. Педагогика внушаетъ дѣтямъ обращаться съ книгами бережно и опрятно, ради приученія къ порядку и чистотѣ; но нужно научать дѣтей обращаться съ книгами, особенно священными, благоговѣйно и религіозно, что важно въ дѣлѣ развитія религіознаго чувства.

Это религіозное чувство прежде воспитывалось главнымъ образомъ въ церкви, гдѣ дитя усваивало божественныя впечатлѣнія и набожныя расположенія. И школа должна обратиться къ церкви и подъ ея сѣнію вести дальнѣйшее развитіе религіозныхъ впечатлѣній и вѣроучительныхъ понятій. Въ церкви дѣти видятъ много иконъ. Сельскому юношеству нужно оживить эти изображенія, рассказавъ содержаніе каждой иконы, благоговѣйно стоя предъ нею, дѣлать это не торопясь, постепенно и вмѣстѣ съ объясненіемъ дать понять и почувствовать дѣтямъ, что съ написанными ликами соединена благодатная сила изображенныхъ лицъ невидимо присутствующихъ въ храмѣ. Тогда дѣти, чувствуя себя въ присутствіи Бога и всей небесной церкви, естественно проникнутся благоговѣніемъ и будутъ слушать богослуженіе „добрымъ сердцемъ и благимъ“.

Наше богослуженіе въ избыткѣ содержитъ въ себѣ всѣ религіозные элементы: молитвенные, догматическіе, нравственные, церковно-историческіе, озаренные общимъ молитвеннымъ характеромъ. Въ церкви совершается молитва по преимуществу, происходитъ дѣйствительная религіозная жизнь. Здѣсь воспитывается страхъ Божій и любовь къ Богу; здѣсь слышитъ и изучаетъ ребенокъ на-слухъ молитвы и символъ вѣры. Православный христіанинъ учится молиться именно въ церкви, а не въ школѣ, гдѣ только разъясняютъ или напоминаютъ молитвенные тексты и свящ. предметы, возбуждая и разрабатывая молитвенныя чувства, приобрѣтенныя въ храмѣ.

Отсюда необходимо, чтобы церковное богослуженіе совершалось благочинно и производило на юное поколѣніе назидательное и священное впечатлѣніе; чтобы возношенія, чтеніе и пѣніе были вняты, раздѣльны и вразумительны. Если дѣти не научатся молитвѣ и страху Божію въ церкви, то въ школѣ они тѣмъ болѣе не научатся.

Таковы были взгляды Николая Ивановича на религиозно-нравственное воспитание, которое должны давать сельскому населению наши народные школы. Эти взгляды онъ примѣнялъ всецѣло у себя въ семинаріи и крещено-татарской школѣ, а затѣмъ и во всѣхъ сельскихъ инородческихъ школахъ. Последнія, бѣдные матеріально, имѣющія, пожалуй, много недостатковъ со стороны требованій современной педагогики и методики, были сильны религиознымъ духомъ. Это были школы религиознаго подъема духа, гдѣ учитель возбуждалъ къ себѣ уваженіе и любовь; гдѣ дѣти были почтительны, послушны и трудолюбивы; гдѣ дѣло дѣлалось не по принужденію, не за приманки и похвалы, а для Бога, для спасенія души. Въ этихъ школахъ ученіе было вмѣстѣ съ тѣмъ и молитвенное возношеніе, въ которомъ въ религиозномъ восторгѣ одинаково упорствовали и учитель и ученики, и малые и старые, и мужчины и женщины. Они шли въ школу не для развлеченія, а для поученія, для назидательной бесѣды «для души спасенія». Инородческая школа Николая Ивановича была школою религиозною не по кличкѣ, не по принадлежности къ тому и другому вѣдомству, а по существу. Правда, требованія отъ народной школы, чтобы она не только учила, но и воспитывала, чтобы это воспитаніе было нравственное, не новы. Они раздавались еще въ 18 вѣкѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й. Подъ надлежащимъ воспитаніемъ разумѣлось развитіе физическихъ, умственныхъ и нравственныхъ способностей, но такъ, что нравственный элементъ занималъ первое мѣсто. Эту цѣль должны были преслѣдовать учрежденныя Императрицей „народныя училища.“ Но идея о нравственномъ воспитаніи была не русскаго происхожденія, а западнаго, навѣянная Локкомъ, Монтенемъ. Такое воспитаніе основывалось на данныхъ науки о нравственности, а не на православіи, не на религіи. Школы 18 вѣка не думали о развитіи религиозныхъ и нравственныхъ чувствъ русскихъ дѣтей, пользуясь зародышами ихъ въ дѣтской душѣ; онѣ думали прививать нравственность не чрезъ сердце, а чрезъ разумъ, путемъ наученія. Школа 18 вѣка не имѣла тѣсной связи съ православной церковью, не думала о всестороннемъ развитіи въ дѣтяхъ

любви къ Богу и ближнему; она думала о развитіи „чести“ и „стыда“ путемъ похвалъ и порицаній.

Совсѣмъ другое дѣло—народная школа, нарисованная Николаемъ Ивановичемъ въ его „Бесѣдахъ.“ Она религіозна, ибо предметъ ея—развитіе въ дѣтяхъ любви къ Богу и ближнему; она исторична, ибо ея постановка связана съ историческимъ развитіемъ религіозныхъ убѣжденій; она народна, ибо народъ требуетъ религіознаго ученія для спасенія души, а эта школа и учитъ спасенію души путемъ всепрощающей христіанской любви; она нравственна, ибо преслѣдуетъ исполненіе дѣтьми величайшихъ нравственныхъ законовъ о любви къ Богу и любви къ ближнему. Конечно, благочестивыя педагогическія размышленія Николая Ивановича есть идеаль; но наша школа должна стремиться къ этому идеалу, приближаться къ нему, если только хочетъ сохранить за собою право на благодарность народную и признаніе своихъ заслугъ предъ церковью, государствомъ и народностью. Отъ школы Николая Ивановича такъ и вѣетъ благочестивою, святою, смиренномудрою Русью, свято хранящею церковные, общественные и семейные идеалы, тихимъ счастіемъ, удѣломъ боящихся Господа, а не нѣмецкою педагогикой.

Николай Ивановичъ не былъ любителемъ этой нѣмецкой педагогики съ ея искусственными приемами и особенно протестантскимъ направленіемъ. Онъ старался всѣми силами уберечь русскую народную школу отъ заноса протестантскихъ идей. Знакомый съ изданіями бывшаго библейскаго общества, его переводами, онъ имѣлъ полное основаніе видѣть въ этомъ чужеземномъ отпрыскѣ тенденцію проникнуть въ православно христіанскую жизнь русскаго народа, съ цѣлію поколебать православно-русскіе устои народной жизни. Все напоминающее старые подвохи заставляло этого православно-русскаго дѣятеля стоять насторожѣ. Такъ, на примѣръ, въ 1883 году онъ сообщаетъ своему другу о чрезвычайно развивающейся дѣятельности Общества поощренія духовнонравственнаго чтенія съ краснымъ штемпелемъ А и О. Николай Ивановичъ слышалъ, что брошюры этого общества раздавались на выставкѣ 1882 г., развозились по желѣзнымъ дорогамъ, на наро-

ходахъ, книгоноши разносили ихъ по городамъ и селамъ; наконецъ онѣ стали въ 1883 году по почтѣ разсылаться по сельскимъ министерскимъ училищамъ при печатномъ циркулярѣ за печатною подписью предсѣдателя общества барона Корфа. „Всѣ брошюры этого общества пропитаны явно протестантскимъ направлениемъ съ оттѣнкомъ даже нѣкотораго мистицизма. Теперь, когда повсюду открываемыя школы широко распространили въ народѣ грамотность, а книгъ для чтенія по вкусу народному нѣтъ, эти набожныя брошюрки, массами распространяемыя по всей Россіи, будутъ на-расхватъ читаться сельскими грамотеями. Врагамъ православія пришла блестящая мысль подрубить православіе въ самомъ корнѣ его, въ Россіи. Я убѣжденъ, что всѣ брошюры упомянутаго общества въ сложности сознательно и умышленно направлены къ разрушенію православной церкви въ Россіи, согласно съ волчьей политикой: и волкъ расхититъ и распудитъ овцы“.

Мы знаемъ уже, какъ защитилъ Николай Ивановичъ инородческое дѣло противъ вылазокъ пастора Дальтона.

О, если бы русская народная школа имѣла всегда и побольше такихъ приставниковъ, защитниковъ ея православно-русскаго направленія!

ГЛАВА VIII.

Система инородческаго христіанскаго просвѣщенія выработанная Николаемъ Ивановичемъ, и ея недоброжелатели.

Наслѣдіемъ почти полувѣковой, неутомимой и обширной дѣятельности Николая Ивановича въ Казанскомъ краѣ осталась система инородческаго образованія, принятая въ своихъ основахъ Министерствомъ Н. Просвѣщенія еще 2 февраля 1870 г., всесторонне разработанная и примѣненная къ дѣлу христіанскаго просвѣщенія востока Россіи.

Вопросъ о просвѣщеніи инородцевъ до 60-хъ годовъ 19 столѣтія не имѣлъ характера вопросовъ государственной важности. На него скорѣе смотрѣли какъ на вопросъ церковный, и государство полагало достаточнымъ лишь приходить на помощь церкви въ ея стремленіи распространить сферу своего вліянія и на инородческія племена. Эта помощь проявлялась какъ въ дарованіи льготъ крестившимся, такъ и въ стремленіи побуждать иновѣрныхъ къ принятію крещенія, путемъ внѣшняго давленія и угрозъ. Впрочемъ и такого рода участіе въ просвѣщеніи инородцевъ и сближеніи ихъ съ кореннымъ населеніемъ проявлялось государствомъ не всегда послѣдовательно. Напротивъ въ 18 вѣкѣ, въ царствованіе Императрицы Екатерины II самимъ правительствомъ, во имя свободы вѣры, дана была крѣпкая организація одному изъ самыхъ вредныхъ по отношенію къ христіанству исповѣданій—исламу. Въ Уфѣ была утверждена должность муфтія, объединившая магометанство въ Россіи, устроено при немъ духовное правленіе; заведены были указные муллы, ассигновано жалованіе этимъ творцамъ мусульманскаго объединенія, и что всего важнѣе—

— кочевые народы Россіи, киргизы, башкиры, признаны были подлежащими сферѣ мусульманскаго вліянія. Совершилось ужасное дѣло: степь стала заполняться муллами изъ татаръ, началась постройка мечетей и школъ, а вмѣстѣ съ ними господство татарско-мусульманской культуры. Русскіе казаки, на примѣръ, плетями сгоняютъ шаманистовъ-киргизовъ въ мечеть Ханской ставки въ Букеевской ордѣ, исполняя приказаніе хана Джангера, женившася на дочери уфимскаго муфтія Фатимѣ и превратившагося въ ревностнаго магометанина. *)

Сплоченное, объединенное государственною властью мусульманство распространяетъ свое вліяніе не только на степь, но и на другихъ инородцевъ: вотяковъ, черемисъ, чувашъ и въ особенности на своихъ единоплеменниковъ-крещеныхъ татаръ. Пользуясь тѣмъ, что русское духовенство, не зная ни языка, ни быта инородческаго, стояло далеко отъ своей паствы, мусульманскіе муллы пользовались инородческою рѣчью и сходствомъ бытовыхъ условій, пролагая вѣрные пути къ инородческимъ сердцамъ, отвлекая ихъ отъ всего христіанскаго и русскаго и превращая инородцевъ въ представителей мусульманства.

Когда въ 60 годахъ эта дѣятельная пропаганда мусульманства проявила себя массовыми отпаденіями крещеныхъ чувашъ, татаръ и друг. инородцевъ въ мусульманство, „уходомъ въ татары“, тогда то выплылъ наружу инородческій вопросъ.

Масса сторонниковъ государственнаго объединенія, имѣя въ виду Польшу и прибалтійскія губерніи, равно и наши нѣмецкія поселенія, признала насущною необходимостью сближеніе русскихъ съ инородцами путемъ устройства среди нихъ русскихъ школъ. Эти школы должны поучать инородческихъ дѣтей говорить и мыслить по-русски; они распространяютъ среди инородцевъ европейское просвѣщеніе, которое расшатываетъ ихъ несложныя вѣрованія, приобщитъ къ русской культурѣ, проложитъ путь христіанской вѣрѣ. Теоретическіе взгляды государственныхъ объединителей, не знакомыхъ ни съ язычествомъ, ни съ мусульманствомъ на-

*) Спасскій. Потребность православной миссіи для Букеевской орды. 1895 г.

шихъ восточныхъ инородцевъ, создали цѣлую систему просвѣщенія съ 3 татарскими учительскими школами; изъ которыхъ по этой системѣ должны выходить приобщенные къ русской культурѣ учителя; послѣдніе въ сельскихъ татарскихъ школахъ уже будутъ распространять русскіе взгляды. Но то, что создается теоріей, часто не оправдывается на практикѣ. „Правительство, говоритъ Николай Ивановичъ, рассчитывало на русское образованіе татаръ; но, видно, образованіе дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ на національныя и религіозныя убѣжденія только насъ, русскихъ. Свое татарство и магометанство образованные татары въ глубинѣ души свято чтутъ и въ случаѣ необходимости крѣпко за него стоятъ. Фанатикъ безъ русскаго образованія и языка сравнительно лучше, чѣмъ по-русски цивилизованный татаринъ, а еще хуже аристократъ, а еще хуже челоуѣкъ университетскаго образованія. Татарская интеллигенція вмѣсто обычнаго, неуклюжаго и неблаговиднаго фанатизма начинаетъ усваивать точку зрѣнія національно-политическую „подъ видомъ интеллигентнаго прогресса“. Про Казанскую, Оренбургскую *) (нынѣ уже закрытую) татарскія учительскія школы онъ говоритъ: „Эти школы долгимъ опытомъ доказали свою бесполезность въ дѣлѣ обрусенія татаръ магометанъ, и фанатизма татарскаго онѣ не ослабляютъ, а лишь татарскую интеллигенцію воспитываютъ и могутъ готовить хитрыхъ и ловкихъ рачителей мусульманской арабско-стамбульско-французской (а не русской) культуры и цивилизаціи. Нужно помнить, что мы, русскіе, не умѣемъ владѣть тѣми орудіями культурными и сливающимися народности, которыми такъ успѣшно дѣйствуютъ западные народы, — у насъ эти орудія обращаются намъ же во вредъ. Не нашей простотѣ орудовать такимъ тонкимъ инструментомъ“. И дѣйствительно мечты уфимскихъ дворянъ изъ татаръ, касимовскихъ „русскихъ (мусульманскаго исповѣданія“, крымскихъ татарскихъ интеллигентовъ, сплотившихся около редакціи „Переводчика“ вполнѣ доказываютъ вѣрность взглядовъ Николая Ивановича на эту сторону русскаго инородческаго вопроса.

*) Бывшую Уфимскую.

Не болѣе удачно рѣшали и рѣшаютъ инородческій вопросъ тѣ сторонники обрусенія *) инородцевъ, которые думали и думаютъ приобщить инородцевъ къ русской народности путемъ русской христіанской школы. Это стремленіе создать среди инородческаго населенія русскія христіанскія школы появилось еще въ 18 вѣкѣ, и намъ уже извѣстна горькая участь инородческихъ школъ. Устроенныя въ 40-хъ годахъ 19 столѣтія во многихъ селеніяхъ инородцевъ школы удѣльнаго вѣдомства съ русскимъ преподавательскимъ языкомъ не привлекли къ себѣ симпатій населенія, и русское образованіе давалось лишь съ большимъ трудомъ и ограниченному количеству дѣтей. Не болѣе пользы принесло привлеченіе инородческихъ дѣтей въ духовныя училища и семинаріи: „наиболѣе успѣвающіе ученики „оказались впоследствии какими-то полуидиотами, такъ что еще недавно пришлось уволить изъ Вятской духовной семинаріи всѣхъ воспитанниковъ изъ черемисъ за совершенною ихъ неспособностью“ (Ж. М. Н. Пр. 1867 г. февраль). Этотъ фактъ равно и многіе другіе доказываютъ, что русская грамотность и даже само христіанство прививались инородцамъ очень туго. Самая система обученія возбуждала отвращеніе, дѣтей собирали въ школы по наряду. Въ школахъ дѣти усвоивали лишь обрядовое христіанство и легко поддавали подъ вліяніе иновѣрной пропаганды. Такъ, напримѣръ, въ Буинскомъ уѣздѣ, Симбирской губерніи въ числѣ отступниковъ чувашъ и татаръ были учившіеся въ русскихъ удѣльныхъ школахъ. Современная непригодность этихъ школъ и особенно духовныхъ училищъ и семинарій прекрасно сознавалась Николаемъ Ивановичемъ, когда онъ обсуждалъ въ 1871 г. въ особой комиссіи вопросъ о допущеніи инородческихъ дѣтей въ духовныя школы Казанской епархіи. Онъ признавалъ, что „въ обстановкѣ русскихъ училищъ инородцы не только не развиваются и не образуются, но положительно завядаютъ“. Не смотря на очень горькій опытъ, сторонники этого рода обученія инородцевъ съ особеннымъ рвеніемъ старались на-

*) Обрусеніе отъ гл. обрусить (насильственно).

Обрусѣніе отъ гл. обрусѣть (добровольно).

стоять на проведеніи своихъ взглядовъ въ жизнь и въ правительственныя сферы. Особенное стремленіе отстоять ихъ проявилось въ концѣ 60-хъ годовъ, когда въ Министерствѣ Н. Просвѣщенія былъ поднятъ вопросъ о системѣ инородческаго просвѣщенія. Критикуя просвѣтительныя взгляды Николая Ивановича, называя послѣдняго „прожекторомъ“, его систему „оранжерейной“, они „проявили такую упорную вражду и брань съ разныхъ сторонъ и разнаго содержанія“, что приводили его въ уныніе. Враждебное отношеніе этихъ обрусителей, проявившихъ полное непониманіе историческихъ условій, не прекратилось и тогда, когда Министерство признало обрусительную русскую школу не совмѣстимой съ идеалами церкви и не достигающей цѣлей государственныхъ. „Есть люди, писалъ Николай Ивановичъ за нѣсколько мѣсяцевъ до своей кончины, которые почти ждутъ моей смерти, полагая, что я единственная опора и защита инородчества“.

Со смертью Николая Ивановича дѣйствительно система инородческаго образованія, утвержденная и распространенная ея приснопамятнымъ основателемъ, начинаетъ колебаться. Сторонники прежнихъ обрусительныхъ взглядовъ, „люди горячіе и нетерпѣливые“ стали отождествлять его систему съ искусственнымъ созданіемъ и поддержаніемъ народностей въ ущербъ русскому народу и государству. Не желая прямо итти противъ этой системы, они задумали ее исправить, дополнить, якобы на основаніи опыта, заявляя, что они въ сущности нисколько не касаются этой системы и даже желаютъ ея точнаго примѣненія, но только замѣчаютъ, что съ кончиной Н. И. она стала, „подвергаться нежелательнымъ измѣненіямъ“. И вотъ эти „нетерпѣливые люди“ полагаютъ 1) улучшить въ инородческихъ школахъ контингентъ преподавателей, спеціально подготовивъ учительскій персоналъ 2) ввести въ инородческихъ школахъ обученіе русскому языку съ первыхъ же дней поступленія дѣтей въ школу, рекомендуя завѣдующимъ, законоучителямъ и учителямъ не ограничиваться изученіемъ русскаго языка только на урокахъ, но говорить съ учениками по-русски всюду, 3) счисленіе преподавать по-русски, 4) уроки инородческаго чтенія замѣнить другими уроками начального

курса, совершенно забывая, что практика чтенія инородческихъ богослужебныхъ книгъ нужна учащимся для цѣлей религіозныхъ: чтенія въ церкви и въ семьяхъ; 4) въ школахъ смѣшанныхъ начинать обученіе прямо по-русски, 5) „въ цѣляхъ облегченія труда учащихся и учащихся“, имъ весьма желательно начинать обученіе русской грамотѣ по русскому букварю. Имъ нужно, чтобы въ инородческихъ школахъ были и русскіе преподаватели, только знающіе инор. языки, не говоря уже о законоучителяхъ, они ухватились за старый, уже оказавшійся неудачнымъ способъ обученія инородцевъ въ духов. семинаріяхъ; имъ нужно было выдвинуть русскій языкъ на первый планъ, даже въ ущербъ основному предмету: закону Божію, заставляя законоучителя болѣе думать *не о проникновеніи въ душу учениковъ христіанскаго ученія*, а о практикѣ ихъ въ русскомъ языкѣ. Сердечное проникновеніе въ инородческія души христіанства чрезъ родную рѣчь теперь должно уступить мѣсто энергичному обученію русской рѣчи, которая, все равно по выходѣ изъ школы, инородцемъ забудется. И такое рѣзкое проявленіе обрусительныхъ началъ, примѣненіе ихъ къ инородческой семьѣ безъ соображенія съ положеніемъ инородчества въ краѣ происходитъ тогда, когда, напримѣръ, въ Уфимской губерніи черемисы татарятся и по языку и по костюму, по понятіямъ и симпатіямъ тянутъ въ магометанство; то же происходитъ среди вотяковъ, живущихъ въ Вятской губерніи, чувашъ Уфим. губ., на которыхъ татарщина оказываетъ свое магическое дѣйствіе близостью языка. Черемисы луговой стороны частію сохраняютъ свои священныя рощи, частію склонны къ исламу. (Мис. Обзорніе 1900 г.) „Единственное средство противъ такого неминуемаго бѣдствія есть внутреннее, сердечное и убѣжденное усвоеніе инородцами христіанскаго ученія, оживляемое православнымъ богослуженіемъ и молитвою. А для такого глубокаго усвоенія христіанскаго ученія инородцами самымъ вѣрнымъ и дѣйствительнымъ средствомъ служить родной языкъ. Такимъ образомъ явится дилемма: „если изъ опасенія поддержанія отдѣльныхъ народностей не допустить инородческаго языка въ инородческія школы и церкви въ достаточномъ количествѣ